

*Het Lants Welvaren, ter See of generale  
Schipvaert.*

**А.А.Сокин**

Проблемы западноевропейской  
морской торговли XIII – XV века  
в освещении российской  
медиевистики

Алексей Сокин

**Проблемы западноевропейской  
морской торговли XIII  
– XV века в освещении  
российской медиевистики**

«Переплет»

2015

**Сокин А. А.**

Проблемы западноевропейской морской торговли XIII – XV века в освещении российской медиевистики /  
А. А. Сокин — «Переплет», 2015

ISBN 978-5-9909029-0-9

Монография описывает особенности исторических исследований вопросов западноевропейской морской торговли. Обзор исследований включает в себя дореволюционную, советскую и постсоветскую литературу, исследуются и критически оцениваются взгляды отечественных медиевистов на вопросы морской торговли XIII–XV века. Издание предназначено для учёных-медиевистов, также будет интересно всем, интересующимся вопросами западного средневековья.

ISBN 978-5-9909029-0-9

© Сокин А. А., 2015

© Переплет, 2015

## Содержание

|                                                                                                                                      |    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Введение                                                                                                                             | 6  |
| Глава 1. Дореволюционная российская медиевистика о<br>коммерциализации XIII–XV века                                                  | 15 |
| 1.1. Разработка теоретических вопросов средневековой<br>морской торговли российскими учеными последней трети<br>XIX – начала XX века | 15 |
| 1.2. Проблема существования крупных торговых союзов в<br>отечественной историографии последней трети XIX – начала<br>XX века         | 29 |
| 1.3. Южное направление морской торговли в исследованиях<br>отечественных историков второй половины XIX – начала XX<br>века           | 38 |
| Глава 2. Советская медиевистика о торговой колонизации XIII–XV<br>века                                                               | 46 |
| 2.1. Методологические особенности развития советской<br>историографии                                                                | 46 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                                                                                                    | 48 |

**А. А. Сокин**  
**Проблемы западноевропейской**  
**морской торговли XIII–XV века в**  
**освещении российской медиевистики**

© Сокин А. А., 2015

© ООО «Переплёт», 2016

\* \* \*

## Введение

Актуальность рассматриваемой темы имеет две стороны: политическую и научную. Современные политические процессы, связанные с глобализацией и жесткой конкуренцией западноевропейских стран в мировом сообществе, определяют интерес к тем историческим эпохам, которые уже имели примеры подобных экономических и политических объединений. Среди различных исторических периодов особую актуальность приобретает средневековье с его крупными морскими республиками (Венеция и Генуя), имевшими широкий круг колоний, с купеческими корпорациями (Великая Немецкая Ганза), объединившими крупных торговцев и торговые города разных стран и территорий.

Научная сторона актуальности связана не столько с неизученностью данной темы в отечественной историографии, сколько с необходимостью детального ее исследования как важного структурирующего элемента всего средневекового общества. Кроме того, сама историческая наука в последнее время проявляет особый интерес к способам получения исторического знания, к процессу формирования той или иной концепции, к долговременным изменениям внутри научного знания. В центре внимания оказываются творчество отечественных историков, их методологические и конкретно-исторические взгляды, эволюция важных проблем исторической науки.

Интерес к данной теме обусловлен еще и тем, что отечественная историческая наука пережила различные контрастные периоды, которые получили свое яркое выражение в конкретно-исторических исследованиях, в том числе и по истории средневековой Европы.

Одной из первых работ, в которой вопросы морской торговли Западной Европы XIII–XV вв. рассмотрены в контексте проблемной историографии, была монография ректора Киевского университета Феодора Фортинского (1846–1902) «Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 года»<sup>1</sup>. Он удачно разместил историографические экскурсы в основном тексте своей монографии, обратив особое внимание на западноевропейскую историческую мысль.

В советский период исследователи, как правило, ограничивались в историографическом обзоре ссылками на классиков марксизма-ленинизма и острой критикой буржуазных историков Западной Европы, игнорируя достижения отечественной исторической науки конца XIX – начала XX вв. Впервые к краткой характеристике концепций экономического развития итальянских городов, в том числе и в вопросах морской торговли, обратился заведующий сектором всеобщей истории Ленинградского отделения института истории АН СССР Виктор Рутенбург (1911–1988) в своей монографии «Очерки из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в.»<sup>2</sup> Упомянув работы Николая Осокина, Валентина Дитякина, Алексея Дживелегова и Евгения Тарле, автор отдавал предпочтение последним двум, которые, однако, по его мнению, не рассматривали развитие экономической истории Италии с позиций марксизма-ленинизма, что ставило под сомнение научность их выводов<sup>3</sup>. В дальнейшем мы видим, что этот исследователь очень корректно и с большим уважением относился к наработкам дореволюционных ученых, считая их первооткрывателями в разработке вопросов истории морской торговли<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. / Ф. Я. Фортинский. – Киев, 1877.

<sup>2</sup> Рутенбург, В. И. Очерки из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. / В. И. Рутенбург. – М.; Л., 1951.

<sup>3</sup> Там же. – С. 12–13.

<sup>4</sup> Рутенбург, В. И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения: очерки / В. И. Рутенбург. – Л., 1987.



В 1950-е гг. появились первые работы профессора Горьковского университета Николая Соколова (1890–1979) по истории Венеции, которые автор предварял обширным историографическим обзором, большая часть которого была посвящена, естественно, характеристике иностранной литературы. Начало изучения Венецианской колониальной империи в отечественной исторической науке Соколов связывал с научной деятельностью Тимофея Грановского и его учеников, в числе которых он упоминал Михаила Стасюлевича и Ивана Лучицкого<sup>5</sup>. Труды этих историков, а также Филиппа Бруна и Николая Осокина свидетельствовали о том, что отечественная историческая наука «в области изучения истории Запада твердо стояла... на собственных ногах» и находилась в русле «позитивистского направления и по своему методу, и по точности и тщательности исследования, и по основательности выводов»<sup>6</sup>. Достаточно высокое место в дореволюционной историографии Соколов отводил трудам Максима Ковалевского, Алексея Дживелегова и Иосифа Кулишера. Высоко оценивая капитальный труд Ковалевского «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства»<sup>7</sup>, исследователь, однако, признавал, что некоторые выводы о черноморской торговле в его концепции «не могут быть приняты безусловно» и требуют серьезного пересмотра. Несколько устаревшими для современной исторической науки Соколов считал выводы об особенностях средиземноморской торговли Дживелегова. В то же время замечания Иосифа Кулишера и выводы Дмитрия Егорова о тесной взаимосвязи крестовых походов и купеческой экспансии на Восток советский исследователь считал ценными для современных историков и требующими дальнейшего развития<sup>8</sup>. Немаловажное значение Н. П. Соколов придавал трудам Василия Васильевского, Федора Успенского, Александра Васильева, которые внесли огромный вклад в изучение истории Византии. Однако, их выводы относительно складывания венецианско-византийских отношений и характера торговой колонизации причерноморских районов требовали, по его мнению, коренного пересмотра. Советская историография, как считал исследователь, шагнула далеко вперед в методологическом плане, что предопределило иную постановку и иное видение проблем средневековой морской торговли. Елена Скржинская «совершенно правильно, в духе марксистско-ленинской методологии» характеризовала отношения Венеции и Византии, отмечая экспансионистские стремления первой. Однако, Соколов не совсем согласен с некоторыми частностями в исследовании данной проблемы (например, в определении границ владений Генуи и Венеции, в последовательности вытеснения одних купцов с причерноморского побережья другими), которые, как считал автор, Скржинская без критики заимствовала у Ф. И. Успенского. Среди советских исследователей Соколов отмечал Митрофана Левченко и Федора Полянского, первый из которых также основывался на устаревших исторических наблюдениях дореволюционных историков. В целом, для Н. П. Соколова был характерен взвешенный подход к концепциям отечественных историков конца XIX – начала XX вв. и несколько критический – к современным ему исследователям.

Очень резкую характеристику трудам историков дореволюционной школы давала профессор Московского университета Вера Стоклицкая-Терешкович (1885–1962), считая, что их выводы (Максима Ковалевского, Алексея Дживелегова, Ивана Смирнова, Вальдемара Ляскорского) «совершенно чужды марксистско-ленинской методологии истории» и не представляли из себя научное исследование<sup>9</sup>.

---

<sup>5</sup> Соколов, Н. П. Образование Венецианской колониальной империи / Н. П. Соколов. – Саратов, 1963. – С.109.

<sup>6</sup> Соколов, Н. П. Образование Венецианской колониальной империи / Н. П. Соколов. – Саратов, 1963. – С.112.

<sup>7</sup> Ковалевский, М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства: в 3-х т. / М. М. Ковалевский. – СПб., 1898-1903.

<sup>8</sup> Соколов, Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. – С.118.

<sup>9</sup> Стоклицкая-Терешкович, В. В. Основные проблемы истории средневекового города / В. В. Стоклицкая-Терешкович. – М., 1960. – С.3.

С 1960-х гг. историографический обзор становился необходимым правилом написания любой проблемно-исторической статьи. Например, московский русист и славист Анна Хорошкевич (г.р. 1931), обратившись к исследованию русского денежного обращения конца XV в., перечисляла всех историков, занимавшихся и занимающихся этим вопросом<sup>10</sup>. В монографии «Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв.» она рассматривала историю изучения русско-ганзейских отношений в иностранной и отечественной исторической науке и особенно выделяла труды Александра Никитского и Александра Лаппо-Данилевского, которые, по ее мнению, определили основные задачи в исследовании данной проблемы. Ответ же на поставленные вопросы смогла дать, как отмечает А. Л. Хорошкевич, только советская историческая наука с ее материалистическим пониманием исторического процесса. Среди советских историков, обратившихся к вопросам морской торговли она выделяла Наталию Казакову и Михаила Лесникова, первая из которых правильно определяла основные цели внешней политики новгородских купцов, а второй разрабатывал новую методику анализа торговых книг, позволившую разобраться в технике торговли и характере торговой деятельности и сделать вывод об отсутствии колониального аспекта в новгородско-ганзейской торговле<sup>11</sup>.

Достаточно высоко концепции отечественных историков оценивались в трудах московских медиевистов Любви Котельниковой (1927–1988), Моисея Смирин (1895–1975) и Марины Старокадомской (1916–1956). Причем к середине 1960-х – 1970-м гг. наблюдался все больший интерес к отечественной историографии вообще и к работам дореволюционных историков, в частности, что отражалось в увеличении количества ссылок и цитат из трудов исследователей конца XIX – начала XX вв. в работах советских ученых.

Значительную часть своего историографического раздела посвятила достижениям дореволюционной историографии старший научный сотрудник Ленинградского отделения института истории АН СССР Наталия Казакова (1915–1984) в монографии «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения в конце XIV – начале XVI вв.»<sup>12</sup>, особо останавливаясь на работах Михаила Бережкова, Александра Никитского, Александра Лаппо-Данилевского. К заслугам этих исследователей она относил создание добротной источниковой базы, благодаря публикациям документов и обобщению результатов предшествующих исследований. Советская же историография в ее представлении сумела научно осветить поставленные вопросы. «Советская историография при анализе внешней политики [куда включаются и вопросы морской торговли – А.С.] государства исходит из марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, в частности из положения о зависимости внешней политики от уровня социально-экономического развития изучаемых стран»<sup>13</sup>. Этот подход уже задавал определенный императив изучения русско-ганзейских отношений, где Новгород предстал как феодальная боярская республика, а Ганза – как типично средневековый союз городов, против монополии которого на Балтике велась ожесточенная борьба национальных купечеств и правительств формировавшихся централизованных монархий<sup>14</sup>. Среди советских историков, подошедших с подобных позиций к рассмотрению данной проблемы, автор называла Михаила Лесникова, Константина Базилевича, Игоря Клейненберга, Анну

---

<sup>10</sup> Хорошкевич, А. Л. Из истории ганзейской торговли / А. Л. Хорошкевич // Средние века. – М., 1961. – Вып. XX; Она же. Некоторые иностранные свидетельства о русском денежном обращении конца XV в. / А. Л. Хорошкевич // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. – М., 1961.

<sup>11</sup> Хорошкевич, А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. / А. Л. Хорошкевич. – М., 1963. – С.15.

<sup>12</sup> Казакова, Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения в конце XIV – начала XVI вв. / Н. А. Казакова. – Л., 1975.

<sup>13</sup> Казакова, Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения в конце XIV – начала XVI вв. – С. 14–15.

<sup>14</sup> Там же. – С.15.



Хорошкевич. Однако, анализ концепций данных исследователей отсутствовал. Н. А. Казаковой скорее была представлена аннотированная библиография, а не историография русско-ганзейских отношений и истории балтийской морской торговли.

В работе заведующей сектором истории Средних веков института всеобщей истории АН СССР Аделаиды Сванидзе (г.р. 1929) «Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV вв.» указывалось на необходимость комплексного изучения городского рынка и деревни, чем, по ее мнению, и занимались такие советские историки, как Яков Левицкий, Любовь Котельникова и др.<sup>15</sup>

В 1980-е гг. наблюдался некоторый спад интереса к тщательным историографическим обзорам и возврат к глухим библиографическим заметкам. Среди всех работ 1980-х гг. следует отметить статью профессора Московского университета Лидии Брагиной (г.р. 1930) «Итальянское средневековье и Возрождение в новейших советских исследованиях»<sup>16</sup>. Автор сгруппировала всю научную литературу по данной теме по проблемному принципу. Она выделяла творчество Любви Котельниковой, посвященное генезису феодализма, и относила ее к той группе ученых, которые настаивали на большом влиянии рынка на сельскую округу. Достижения Виктора Рутенбурга анализировались в рамках проблемы зарождения и развития раннекапиталистических отношений, где морская торговля сыграла ведущую роль<sup>17</sup>.

Жизни и творчеству этих двух историков были посвящены статьи в сборнике «Россия и Италия», в которых их вклад в историческую науку оценивался очень высоко. Авторы статей профессор Латвийского университета Александра Ролова (г.р. 1920), эмигрировавшая в Германию с распадом СССР, и профессор МГУ Евгения Гутнова (1914–1992) независимо друг от друга отмечали высокий авторитет этих ученых в исследовании взаимосвязанных проблем: итальянского феодализма и итальянского капитализма. Причем, если Л. А. Котельникова настаивала, по мнению Роловой, на специфике итальянского феодализма, то В. И. Рутенбург, как считала Гутнова, – на особенностях итальянского раннего капитализма. И тот, и другой, по мнению исследователей, отмечали решающее влияние морской торговли на развитие итальянской экономики, но если Котельникова находила в этом больше отрицательных последствий, то Рутенбург – больше положительных<sup>18</sup>.

Из специальных историографических работ советской эпохи, пожалуй, можно выделить статьи Валентина Бадяна (1930–2004)<sup>19</sup>, работавшего в Феодосийском краеведческом музее и Днепропетровском университете. Он рассматривал изучение средневековой генуэзской колонизации Северного Причерноморья в российской дореволюционной и постреволюционной медиэвистике, отмечал существенный прогресс последней.

Самым же значительным историографическим исследованием, предпринявшим попытку оценить потенциал советской медиэвистики, стала докторская диссертация швейцарского историографа Пауля Штрессле «Международная черноморская торговля и Кон-

---

<sup>15</sup> Сванидзе, А. А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV вв. / А. А. Сванидзе. – М., 1980. – С. 25.

<sup>16</sup> Брагина, Л. М. Итальянское средневековье и Возрождение в новейших советских исследованиях / Л. М. Брагина // Италия в трудах советских историков. – М., 1989. – С. 7–29.

<sup>17</sup> Там же. – С. 8–13.

<sup>18</sup> Гутнова, Е. В. Виктор Иванович Рутенбург и советская итальянистика / Е. В. Гутнова // Россия и Италия. – М., 1993; Ролова, А. Д. Любовь Александровна Котельникова и ее вклад в изучение итальянского феодализма / А. Д. Ролова // Там же.

<sup>19</sup> Бадян, В. В. Генуэзька феодальна колонізація Північного Причорномор'я в російській історіографії капіталістичного періоду / В. В. Бадян // Вісник Харків. ун-ту. – 1970. – Вып. XLV. – С. 48–53; Он же. Генуэзька феодальна колонізація Північного Причорномор'я в російській історіографії дореформеної Росії / В. В. Бадян // Питання історії народів СРСР. – Харків, 1969. – Вып. VI. – С. 135–141; Он же. Радянська історіографія генуэзької колонізації Північного Причорномор'я у XIII–XV ст. / В. В. Бадян // Вісник Харків. ун-ту. – Харків, 1967. – Вып. XXII. – С. 103–111.

стантинополь 1261 – 1484 гг.: в зеркале советских исследований»<sup>20</sup>, опубликованная в 1990 г. в виде монографии. По его заключению, марксистская методология, рассматривавшаяся советскими историками как серьезное преимущество по сравнению с западной исторической наукой, привела, в действительности, к догматизму, к исключению малейшей возможности порождения новых идей, к вращению в узком идейном поле марксистской схематики – констатации эксплуататорской роли купеческого капитала, акцентирования классовых антагонизмов, колониального характера итальянских поселений в Причерноморье и т. п.

1990-е гг. можно считать настоящим прорывом и в исследовании темы средневековой морской торговли, и в историографических этюдах историков. Крупный исследователь средиземноморской торговли, заведующий кафедрой истории Средних веков МГУ, академик РАН Сергей Карпов (г.р. 1948) рассматривает изучение заявленной им темы как единый генетически обусловленный процесс, в котором дореволюционным концепциям отводится такое же почетное место, как и трудам советских историков<sup>21</sup>. Предшествующая историография выявила, по мнению Карпова, «общие закономерности торгово-предпринимательской деятельности итальянских купцов в Причерноморье», но не обратила внимание на частности и в большинстве случаев пестрила досадными фактическими ошибками<sup>22</sup>. Особый интерес представляет раздел, посвященный иностранной литературе, где автор блистает тонкостями историографического анализа и отмечает ряд важных нюансов, касающихся обсуждения вопроса о влиянии итальянской морской торговли и морской политики на развитие причерноморских территорий, в том числе и Византии<sup>23</sup>.

Сдержанность в характеристике трудов отечественных историков С. П. Карпов проявляет и в другой своей монографии «Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв.», но обширная библиография свидетельствует о знакомстве автора с большим комплексом научной литературы по исследуемой тематике<sup>24</sup>.

Ярким образцом удачно выполненного историографического обзора является вводная часть опубликованной кандидатской диссертации московского византиниста Натальи Богдановой «Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города», выполненной на основе междисциплинарного подхода в научно-исследовательской лаборатории истории Византии и Причерноморья в Средние века при кафедре истории Средних веков МГУ. Вся литература по истории Херсона X–XV вв. сгруппирована по проблемно-хронологическому признаку, где работы отечественных историков начинают рассматриваться со второй четверти XIX в. и делятся по проблемам археологического и источниковедческого изучения истории Херсона и теоретического осмысления его места в историческом процессе<sup>25</sup>. Историографии 1917 – 1988 гг. посвящен отдельный раздел, в котором изучение данной темы ведется с применением марксистских принципов методики и методологии, но на том же материале археологических данных и письменных источников. В связи со специфичностью темы анализируется лишь узкий круг работ историков, и то в основном в области археологических раскопок. Ценность этого труда состоит в том, что автор впервые в рамках дан-

---

<sup>20</sup> Strässle, P. Der internationale Schwarzmeerhandel und Konstantinopel 1261 – 1484: im Spiegel der sowjetischen Forschung / P. Strässle. – Bern; Frankfurt a M.; N.Y.; P.; Peter Lang, 1990.

<sup>21</sup> Карпов, С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли / С. П. Карпов. – М.: МГУ, 1990.

<sup>22</sup> Там же. – С. 37.

<sup>23</sup> Карпов, С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв. – С. 41–42.

<sup>24</sup> Карпов, С. П. Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв. / С. П. Карпов. – М., 1994. – С. 11–17.

<sup>25</sup> Богданова, Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города / Н. М. Богданова // Причерноморье в Средние века. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 13–15. В дальнейшем Н. М. Богданова покинула сферу науки, посвятив себя церковному служению.

ной проблемы заявляет междисциплинарный подход, который успешно использует как в ее источниковедческом изучении, так и в ее историографическом осмыслении. Сегодня историография истории византийского Херсона освещается в монументальном труде профессора Уральского университета Аллы Романчук (г.р. 1942)<sup>26</sup>.

В предложенном экскурсе особо выделим историографический раздел в монографии заведующего кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Тюменского университета Александра Еманова (г.р. 1958) по истории торговли Кафы<sup>27</sup>. Характерно, что само название этого крупнейшего на Черном море центра мировой торговли XIII–XV вв. им дается без привычной удвоенной «ф», свойственной только итальянскому языку и латинскому фонду источников. В этом видится осознанный отказ ученого от рассмотрения Кафы как генуэзской колонии и стремление представить экономическую жизнь города как полиэтнического центра, в котором роль греков, армян, татар, русских, евреев и других понтийских народов возрастала к середине XV в.

Новые возможности историографического исследования открывает кандидатская диссертация ингушского историографа-медиевиста Анжелы Матиевой, позднее работавшей в посольстве России в Азербайджане и руководителем пресс-службы главы Ингушетии, «История итальянских факторий Северного Причерноморья в исследованиях М. М. Ковалевского»<sup>28</sup>. Автором изучены не только опубликованные труды крупного русского ученого, но и его богатое рукописное наследие, включая выписки из итальянских архивов. Это позволило по-новому воспринять творчество основателя русской историко-юридической школы, получившего мировую известность, увидеть как продуктивное продолжение Ковалевским лучших традиций российских медиевистических штудий, так и предвосхищение многих открытий исторической науки нашего времени.

Как мы видим, отношение отечественных исследователей к работам своих соотечественников по истории средневековой морской торговли в Западной Европе XIII–XV вв. претерпело определенную эволюцию, осмыслить которую и предстоит в данном исследовании. Требуют критической оценки основные направления изучения средневековой морской торговли, особенности исследования северного и южного мореходства в Европе, влияние общеметодологической ситуации на поворот приоритетов и акцентов в концептуализации обозначенной тематики.

Состояние изученности проблемы обусловили цель данного исследования – проследить эволюцию представлений отечественных историков на проблему развития морской торговли в Западной Европе в XIII–XV вв.

Хронологические рамки охватывают период с последней трети XIX в. до начала XXI в. Нижняя хронологическая граница определяется временем появления первых монографических трудов, с научной точки зрения затрагивающих вопросы средневековой морской торговли. Верхнюю границу определяют последние работы историков по обозначенной теме.

Классическая историографическая матрица исследования приобретает несколько иное звучание в рамках быстро развивающегося направления интеллектуальной истории. «Предмет интеллектуальной истории в современном ее понимании включает в себя не только историю достижений человеческого интеллекта, то есть результатов интеллектуальной творческой деятельности, но и историю самой этой деятельности в ее процессуальной незавершенности, и культурную среду, задающую ей свои условия и предпосылки, и биографии

---

<sup>26</sup> Романчук, А. И. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы / А. И. Романчук. – Т. 2: Византийский город. – Тюмень: ТюмГУ, 2008.

<sup>27</sup> Еманов, А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. / А. Г. Еманов. – Тюмень, 1995.

<sup>28</sup> Матиева, А. Х. История итальянских факторий Северного Причерноморья в исследованиях М. М. Ковалевского / А. Х. Матиева: дис. ... к.и.н. – М.: МГУ, 2004.

самих творцов, и их межличностные связи, и историю распространения и восприятия новых идей и знаний»<sup>29</sup>. Однако, антропологический ракурс данного исследования несколько оттеснен изучением истории идей. В нашем случае история средневековой морской торговли в Западной Европе XIII–XV вв. рассматривается как часть интеллектуального наследия отечественной исторической мысли, обогащающегося на протяжении конца XIX – начала XXI вв.

Помимо методов интеллектуальной истории в исследовании применялись элементы дискурсивного и герменевтического методов, значимых для понимания особенностей языковых и мыслительных конструкций историков прошлого и позапрошлого столетий.

Источниковая база заявленного исследования весьма обширна и включает в себя достаточно объемный комплекс исторической литературы, который представлен несколькими группами источников. В первую группу вошли крупные монографические исследования и научные статьи, как опубликованные, так и неопубликованные (диссертации, авторефераты), затрагивающие вопросы средневековой морской торговли в Западной Европе в XIII–XV вв. Эта группа источников является базовой, поскольку позволяет проследить эволюцию взглядов отечественных историков на данную проблему на разных этапах развития исторической науки<sup>30</sup>. К этой же группе источников можно отнести исследования зарубежных

<sup>29</sup> Репина, Л.П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Историческая наука на рубеже веков. – М., 2001. – С. 190.

<sup>30</sup> Бессмертный, Ю. Л. Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII – XIII вв. / Ю. Л. Бессмертный. – М., 1969; Близнюк, С.В. «Сладкая жизнь» генуэзцев на Кипре в XV в. / С. В. Близнюк // Причерноморье в Средние века. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 37–44; Она же. Мир торговли в королевстве крестоносцев на Кипре (1192–1373) / С. В. Близнюк. – М., 1994; Богданова, Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города / Н. М. Богданова // Причерноморье в Средние века. – М., 1991. – Вып. 1; Воробьева, И. Г. Венецианские источники по истории Далмации XV–XVII вв. / И. Г. Воробьева // Советское славяноведение. – М., 1986. – № 4. – С. 34–42; Германия и Италия в X – XV вв. – М., 1938; Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – Т. 3: Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. – М., 2000; Дживелегов, А. К. Средневековые города в Западной Европе / А. К. Дживелегов. – М., 2002; Егоров, Д. Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. / Д. Н. Егоров. – Т. I: Материал и метод. – М., 1915; Еманов, А.Г. К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма / А. Г. Еманов // Античная древность и Средние века. Византия и её провинции. – Свердловск, 1982; Он же. Восточное направление торговли Кафы в XIII–XV вв. / А. Г. Еманов // Вестник ЛГУ. Сер.2. Ист., яз., лит. – Л., 1986. – Вып. 3. Он же. Развитие торговых связей Кафы в XIII – XV вв. / А. Г. Еманов // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989; Он же. Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. / А. Г. Еманов, А. И. Попов // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века: межвуз. сб. науч. трудов. – Ростов-на-Дону, 1988; Он же. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. / А. Г. Еманов. – Тюмень, 1995; Зевакин, Е. С. Очерки по истории генуэзских колоний на западном Кавказе в XIII и XV вв. / Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко // Исторические записки. – 1938. Т. 3. – С. 72–129; Казакова, Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения в к. XIV – начале XVI вв. / Н. А. Казакова. – Л., 1975; Карпов, С. П. Венецианская работоторговля в Трапезунде (конец XIV – начало XV вв. / С. П. Карпов // Византийские очерки. – М., 1982; Карпов, С. П. Из истории средневекового Крыма: высшие официалы генуэзской Кафы перед судом и наветом / С. П. Карпов // Отечественная история. – 2001. – № 1; Карпов, С. П. Пути средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. / С. П. Карпов. – М., 1994; Климанов, Л. Г. Об особенностях номенклатуры документов Венецианского дипломатического обихода / Л. Г. Климанов // Вспомогательные исторические дисциплины / Л. Г. Климанов. – Л., 1987. – С. 279–288; Косминский, Е. А. Был ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? По поводу доклада на X Международном Конгрессе историков: «Европейская экономика в течение двух последних столетий средневековья» / Е. А. Косминский // Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. – М., 1963; Краузе Г. Военно-морское дело в истории Ганзы / Г. Краузе // Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. – М., 1992; Он же. Ганзейское судостроение и типы кораблей XIII–XVI веков / Г. Краузе // Рынок и экспортные отрасли ремесла в Европе XIV–XVIII вв. – М., 1991; Крот, В. А. Торговля Польши с Турцией в Причерноморье (XV – первая половина XVI в.) / В. А. Крот // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века: межвуз. Сб. науч. трудов. – Ростов-на-Дону, 1988; Кузнецов, Е. В. Купцы-авантюристы Лондона (страницы ранней истории) / Е. В. Кузнецов // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. – Горький, 1980; Он же. Лондонская гильдия торговцев тканями в XV – начале XVI вв. / Е. В. Кузнецов // Средние века. – М., 1968. – Вып. 31; Левицкий, Я. А. Города и городское ремесло в Англии XII–XIII вв. / Я. А. Левицкий. – М., 1960; Лесников, М. П. Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. М. П. Лесников // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та. – М., 1948. – Вып. 1. – Т. XIII. – С. 61–93; Лозинский, С. Эпоха торгового капитала / С. Лозинский. – Л., 1926; Лучицкий, И. В. Очерки по экономической истории Западной Европы / И. В. Лучицкий. – Киев, 1893–1894; Любич, Н. Н. Хозяйство и финансы немецких городов в XIV и XV веках / Н. Н. Любич. – Варшава, 1904; Мавродин, В. В. Начало мореходства на Руси / В. В. Мавродин. – Л., 1949;

историков, переведенные на русский язык и оказавшие существенное влияние на изучение тех или иных вопросов, связанных с морской торговлей<sup>31</sup>.

Во вторую группу вошли учебники и учебные пособия, в которых обозначенные сюжеты включены в общую канву изложения средневековой истории<sup>32</sup>. Представленные в этих источниках схемы изложения исторического процесса позволяют увидеть эволюционное развитие исторической науки и изменение ракурса изучения средневековой морской торговли.

В последнюю группу включены рецензии и отзывы исследователей на работы соотечественников и иностранных ученых<sup>33</sup>. Они отражают признание той или иной концепции в медиевистическом сообществе, моменты принятия или отторжения определенных выводов автора, востребованность его наработок последующими поколениями. В качестве примера можно привести дискуссию, разгоревшуюся по поводу монографии В. И. Рутенбурга «Очерки из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в.»

---

Маркова, С. П. Очерки истории торговли Англии (XIV–XVII вв.) / С. П. Маркова. – Майкоп, 1996; Михновский, В. А. Возникновение мировой торговли и эпоха великих открытий / В. А. Михновский. – Л., 1926; Некрасов, Ю. К. Очерк из экономической истории Германии конца XV – начала XVI вв. / Ю. К. Некрасов // Проблемы социально-экономической истории Германии и Австрии XV–XVI вв. – Вологда, 1969; Никулина, Т. С. Проблемы патрициата ганзейских городов в немецкой историографии / Т. С. Никулина // Вопросы историографии внутренней и внешней политики зарубежных стран. – Самара, 1991; Подаляк, Н. Г. Ганза / Н. Г. Подаляк // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – Т. 4: Extra muros: город, общество, государство. – М., 2000; Полянский, Ф. Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. / Ф. Я. Полянский. – М., 1952; Пономарев, А. Л. Денежный рынок Трапезундской империи в XIII–XV вв. / А. Л. Пономарев // Причерноморье в Средние века. – М.; СПб., 1998. – Вып. 3; Он же. Население и территория Каффы по данным массарии – бухгалтерской книги казначейства за 1381–1382 гг. / А. Л. Пономарев // Причерноморье в Средние века. – М., СПб., 2000. – Вып. 4. – С. 317–443; Ролова, А. Д. Экономический строй Флоренции во второй половине XV и в XVI веке / А. Д. Ролова // Средние века. – 1956. – Вып. 8; Рутенбург, В. И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения: очерки / В. И. Рутенбург. – Л., 1987; Он же. Очерки из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. / В. И. Рутенбург. – М.; Л., 1951; Сванидзе, А. А. Средневековый город и рынок в Швеции. XIII–XV вв. / А. А. Сванидзе. – М., 1980; Скржинская, Е. Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. / Е. Ч. Скржинская // Византийский временник. – М., 1947. – Т. 1. – С. 215–234; Соколов, Н. П. Образование Венецианской колониальной империи / Н. П. Соколов. – Саратов, 1963; Стоклицкая-Терешкович, В. В. Основные проблемы истории средневекового города / В. В. Стоклицкая-Терешкович. – М., 1960; Талызина, А. А. Баллистарии на венецианских галеех Романии / А. А. Талызина // Византийский временник. – М., 1999. – Т. 58 (83); Тарле, Е. В. Политика: История территориальных захватов. XV–XX века: сочинения / Е. В. Тарле. – М., 2001; Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. / Ф. Я. Фортинский. – Киев, 1877; Хорошкевич, А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. / А. Л. Хорошкевич. – М., 1963; Шаркова, И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. / И. С. Шаркова. – М., 1981 и др.

<sup>31</sup> Луццатто, Дж. Экономическая история Италии. Античность и средние века / Дж. Луццатто; пер. с ит. М. Л. Абрамсон. – М., 1954; Пиренн, А. Средневековые города Бельгии / А. Пиренн; пер. с фр. под ред. Е. А. Косминского. – М., 1937 и др.

<sup>32</sup> Михайловский, В. Ганза // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей / под ред. проф. П. Г. Виноградова. – М., 1914; Обществоведение. – Т. III: Жизнь общества в эпоху торгового капитализма. – Пг., 1924 и др.

<sup>33</sup> Бессмертный, Ю. Л. Проблема западноевропейской торговли IX–XIII вв. в современной западной медиевистике (К обсуждению концепции Анри Пиренна) / Ю. Л. Бессмертный // Средние века. – 1963. – Вып. 23. – С. 246–264; Добняш-Рождественская, О. Рец. на кн.: Д. Н. Егоров. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. I: Материал и метод. М., 1915 // Журнал Мин-ва нар. просвещ. – 1915. – № 10; Еманов, А. Г. Рец. на кн.: С. П. Карпов. Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994 // Вопросы истории. – 1995. – № 11/12; Он же. Рец. на кн.: Т. Н. Берадзе. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. Тбилиси: Мецнеиреба, 1989 // Известия АН Груз. ССР. Сер. Ист., археол., этногр. и ист. иск. – Тбилиси: АН Груз. ССР, 1991. – № 1; Косминский, Е. А. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? По поводу доклада на X Международном Конгрессе историков: «Европейская экономика в течение двух последних столетий средневековья» / Е. А. Косминский Е. А. // Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. – М., 1963; Рутенбург, В. И. Рец. на кн.: Дж. Луццатто. Экономическая история Италии // Средние века. – М., 1956. – Вып. 8. – С. 437–449; Сванидзе, А. А. Флорентийские купцы в Англии в XIV–XV вв. // Вопросы истории. – 1961. – № 10. – С. 190; Сказкин, С. Д. Предисловие // Луццатто Дж. Экономическая история Италии. Античность и средние века. – М., 1954. – С. 3–16; Стоклицкая-Терешкович, В. В. Рец. на кн.: Ф. Я. Полянский. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. // Вопросы истории. – 1953. – № 7; Стоклицкая-Терешкович, В. В. Анри Пиренн как историк средневекового города // Пиренн А. Средневековые города Бельгии. – М., 1937. – С. 5–24; Сюзюмов, М. Я. Рец. на кн.: Ф. Я. Полянский. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. // Вопросы истории. – 1953. – № 7 и др.

и затронувшую основополагающие вопросы изучения средневековой истории вообще и истории морской торговли Западной Европы XIII–XV вв. в частности.

Представленное вниманию читателя исследование позволяет обратиться к изучению средневековой морской торговли южного и северного направлений Западной Европы XIII–XV вв. и рассмотреть эту проблему в процессе трансформации исторического знания на дореволюционном, советском и современном этапе развития отечественной историографии.



## **Глава 1. Дореволюционная российская медиевистика о коммерциализации XIII–XV века**

### **1.1. Разработка теоретических вопросов средневековой морской торговли российскими учеными последней трети XIX – начала XX века**

Последняя треть XIX – начало XX вв. характеризуется появлением конкретно-исторических и теоретических работ отечественных историков, посвященных проблемам средневековой морской торговли. Всплеск интереса к данной проблематике был вызван несколькими причинами. Во-первых, публикацией Археографической Комиссией огромного массива исторических источников, относящихся к данному периоду<sup>34</sup>. Во-вторых, появлением значительного количества исследований зарубежных историков, обращающихся к теме морской торговли<sup>35</sup>. В-третьих, опосредованное влияние оказала углубляющаяся специализация внутри отечественной исторической науки под воздействием идей позитивизма, что отразилось в специальном изучении различных исторических проблем, отдельных исторических феноменов.

Индикатором и показательным образцом происходивших в отечественной исторической науке перемен явились исследовательские труды академика Императорской Санкт-Петербургской академии наук Максима Ковалевского (1851–1916), его коллеги по академии, а позднее профессора Оксфордского университета Павла Виноградова (1854–1925), профессора Московского университета Владимира Герье (1837–1919), профессора Московского народного университета имени А. Л. Шанявского Алексея Дживелегова (1875–1952), профессора Киевского университета Ивана Лучицкого (1845–1918) и др.<sup>36</sup>. Однако, лишь некоторые из них обратили внимание на специфику развития средневековой морской торговли.

Среди всех исследователей, в первую очередь, следует выделить профессора Киевского университета Феодора Фортинского (1846–1902) с монументальным трудом «Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г.» и Алексея Дживелегова с двумя монографиями, посвященными истории западноевропейской средневековой торговли и основным участникам этого процесса – городам.

Прежде всего, хотелось бы задержать взор на общетеоретических вопросах средневековой морской торговли, которые нашли отражение в трудах упомянутых историков. Иван Лучицкий в своей монографии «Очерки по экономической истории Западной Европы», рассматривая «некоторые черты из истории экономической политики германских городов в средние века и XV и XVI вв.»<sup>37</sup>, подробно останавливался на экономических воззрениях средневекового общества. Как считал автор, представления средневековья основывались на теолого-канонических учениях того времени и подчиняли интересы индивида интересам общества. «Отсюда, отрицание принципа наживы, капитализации, приравниваемых к гре-

---

<sup>34</sup> Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригию и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. – СПб., 1857.

<sup>35</sup> См., например, обзор западной историографии: Еманов, А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. / А. Г. Еманов. – Тюмень, 1995. – С. 5–10.

<sup>36</sup> Ковалевский, М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства / М. М. Ковалевский: в 3 т. – М., 1898–1903.

<sup>37</sup> Лучицкий, И. В. Очерки по экономической истории Западной Европы. – Т. 2. – С.4.

ховной *usura*, т. е. лихве, считавшейся преступным делом, строжайше воспрещаемой и преследуемой, и провозглашение принципа, что барыш должен быть установлен и определен в таких размерах, которые не могли бы ни в каком случае быть вредными для всех, для общественной группы. Высота этого барыша, размер цены продукта... устанавливается согласно с целым экономическим учением»<sup>38</sup>. Важную роль в определении цены вещи играли не личность, не индивидуум, а государственная власть, город или цех, при этом они руководствовались соблюдением законных интересов, интересов общества, группы, потребителя и индивидуума. «Продавец, учит Фома Аквинат, обязан стремиться к получению такого барыша, который необходим, как средство существования и его, и его семьи»<sup>39</sup>.

К догмам канонического права обращался и Алексей Дживелегов, рассматривая внутреннее устройство купеческих гильдий и союзов. Однако, он, в отличие от Лучицкого, усматривал в развитии средневековых торговых обществ не развитие, а разрушение *usur'ы* – старого канонического права, запрещающего так называемую лихву<sup>40</sup>. Первыми, кто нарушил принципы этого права, были правящие слои городского населения. Именно магистрат вынужден был следить за тем, «чтобы всякий обмен происходил по совести, чтобы прибыль, получаемая купцом, не превышала известных пределов, чтобы она согласовывалась с отголоском канонического учета, с понятием о *justum pretium*, справедливой цене. Купец должен получить такую прибыль, которая покрыла бы все его издержки и дала бы лишь очень небольшую прибыль. Иначе будут обижены его клиенты, а город этого допустить не может»<sup>41</sup>. Причем барышничество, как отмечал Дживелегов, наказывалось с большой строгостью. Чтобы соблюсти подобную правовую норму, торговля проводилась в соответствии со следующими требованиями: публично, в специально отведенных местах и строго определенных часы, в присутствии маклеров и при соблюдении четко обозначенного в прейскуранте максимума цен<sup>42</sup>.

Дживелегов – один из немногих, кто останавливался на теоретических вопросах средневековой торговли. Главную задачу торговли историк усматривал «в устранении препятствий, разделяющих потребителя от производителя во времени и пространстве»<sup>43</sup>. Необходимыми условиями для устранения данных препятствий Дживелегов называл наличие рынков и купцов, взаимодействие которых происходило в рамках средневекового города. Хотя само возникновение средневековых городов он рассматривал как взаимообусловленный процесс сосуществования складывавшихся купеческих поселений и уже существовавших рыцарских замков. В Средние века в качестве рынков выступали ярмарки, носившие сезонный характер<sup>44</sup>, а в качестве купцов – класс торговцев, образованный, как считал историк, двумя способами: либо перерастанием мелкого розничного торговца сукном в крупного оптовика, либо путем торговой специализации крупного промышленника, выпускавшего шерсть<sup>45</sup>. Кроме того, Дживелегов одним из первых отечественных историков систематизированно выделял основные черты средневекового купца. С правовой точки зрения купец для него, в первую очередь, – свободный человек, не стесненный крепостным правом, свободно передвигавшийся и полновластно распоряжавшийся своим имуществом. С психологической

---

<sup>38</sup> Лучицкий, И. В. Очерки по экономической истории Западной Европы. – Т. 2. – С. 7.

<sup>39</sup> Там же.

<sup>40</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 189.

<sup>41</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 192.

<sup>42</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – СПб., 1904. – С. 114.

<sup>43</sup> Там же. – СПб., 1904. – С. 1.

<sup>44</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – СПб., 1904. – С. 89.

<sup>45</sup> Там же. – С. 95.

точки зрения средневековый купец целиком был подчинен духу наживы, поэтому в своих действиях был бесстрашен и для современного купца кажется безрассудным<sup>46</sup>.

Среди «препятствий, разделяющих потребителя от производителя во времени и пространстве» Дживелегов называл также непроходимость дорог, плохое состояние мостов, на море – неблагоприятные погодные условия и человеческий фактор, связанный с пиратством и со стремлением местного населения к легкой наживе, что выразилось в возникновении так называемого «берегового или призового» права и установлении многочисленных таможенных сборов.

На эти же препятствия в свое время обратил внимание и Феодор Фортинский. В качестве неблагоприятных для плавания факторов он называл дожди, туманы, снег и бурливость Балтийского<sup>47</sup>, разнообразные течения и переменные ветра Немецкого морей, которые, в свою очередь, «породили... у прибрежных жителей... обычай присваивать себе остатки крушений»<sup>48</sup>. В этих условиях более безопасной была континентальная торговля, проходившая по материковым водным и сухопутным дорогам. Как отмечал Фортинский, «удобства морского сообщения, естественно, привлекали горожан к первой; но море не всегда было доступно: осенние и весенние бури, зимние льды мешали плаванью по нему, и потому значительную часть года приходилось удовлетворяться одною континентальною торговлею»<sup>49</sup>. Выгодность континентальной торговли заключалась и в «обилие водных систем и леса...: реки и озера служили удобными путями сообщения, а леса доставляли необходимый материал для судостроения»<sup>50</sup>. Однако, все удобства континентальной торговли проигрывали вследствие стремления местных жителей и землевладельцев поживиться за счет торговых караванов, что делало это направление торговли убыточным. Даже при всей привлекательности сухопутной торговли она, как замечал Фортинский, «никогда не заменяла летом морской»<sup>51</sup>.

Вслед за природно-климатическим фактором морской торговли историки подробно останавливались на политических и социально-экономических аспектах этого вопроса. Фортинский раскрывал читателю целую правовую систему, на которой держалась средневековая торговля на море. Для предупреждения разорительных последствий кораблекрушения вследствие морских бурь, столкновения судов, перегруза судна или каких-либо иных факторов городские советы (раты) разрабатывали различные статьи морского права. В морском праве оговаривалась ответственность капитанов судов за кораблекрушения вследствие столкновения (в случае непреднамеренного столкновения оплачивалась половина стоимости товара, а при умышленных действиях возмещался весь вред), перегруза (когда капитан оплачивал стоимость выброшенного за борт товара) или выхода в море после установленного срока плавания – 11 ноября (на что требовалось особое соглашение между капитаном и хозяином товара).

Но самое непреодолимое препятствие в морской торговле Фортинский так же, как и Дживелегов, связывал с человеческим фактором. Так называемое «береговое право» в случае кораблекрушения лишало купца всего товара: «владелец земли, куда пристала шлюпка, ...мог претендовать на принадлежность ему выброшенных или спасенных товаров и даже –

---

<sup>46</sup> Там же. – С. 98–99.

<sup>47</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 164–165.

<sup>48</sup> Там же. – С. 242.

<sup>49</sup> Там же. – С. 125.

<sup>50</sup> Там же. – С. 126–127.

<sup>51</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 152.

самого экипажа»<sup>52</sup>, именно поэтому, как считал исследователь, все купцы выступали за его отмену. Другим бедствием морской торговли Фортинский называл пиратство, которое в отличие от Дживелегова связывал со славянским элементом.

Политическая сторона морской торговли более подробно была проанализирована А. К. Дживелеговым. Он относил купечество к крупной политической силе, способной решать важные политические и экономические вопросы средневековых городов. Причем роль городов в его исследованиях гипертрофирована, они выступали как мини-государства, самостоятельно решавшие международные вопросы. Они и были настоящими торговыми державами в Средние века; между ними и велась торговля. В то время государство было почти совершенно элиминировано из организации торговых сношений. «Средневековая торговля – торговля междугородская»<sup>53</sup>. Взаимосвязанность политических и экономических аспектов ярко проявлялась, как считал Дживелегов, в городских статутах, в которых оговаривались условия торговли местных и иностранных купцов. «Главный принцип всех запретных мер заключался в том, – отмечает историк, – чтобы помешать гостю нажиться там, где может нажиться свой купец»<sup>54</sup>. К числу подобных ограничений исследователи относили запрет розничной торговли, торговли определенным ассортиментом товаров, запрет участия в иностранных торговых компаниях, запрет на сделки между иностранцами, различные таможенные и торговые пошлины и сборы, так называемое «стапельное» (складочное) право, нередко принуждавшее купца торговать своим товаром именно в этом городе. Разработка подобных экономических правовых мер привела, как считал Дживелегов, к складыванию системы монополий в последние столетия Средних веков, которая держалась на принципах меркантилизма и протекционизма<sup>55</sup>. Как заключал историк, «капитал вырос, и с середины XIV в. в Италии, а с конца XV в. в остальной Европе сделался могучим фактором хозяйственной эволюции»<sup>56</sup>.

Последний сюжет, который так или иначе затрагивал тему морской торговли и который стал предметом пристального внимания дореволюционных историков, касался проблемы колонизации и христианизации наиболее важных в торговом отношении земель.

Историки последней трети XIX – начала XX вв., работавшие в рамках позитивистской парадигмы, немало важное значение придавали колонизационным процессам, нередко посвящая им целые исследования. Профессор Казанского университета Николай Осокин (1843–1895) в своем наиболее раннем труде «Заметки по экономической истории Италии» (Казань, 1865 г.) настойчиво проводил мысль о тесной взаимосвязи крестовых походов и экономического расцвета Италии. Уже в начале своего произведения он высказывал тезис о том, что «междоусобная резня... способствует экономическому развитию», а наемничество, само явившееся результатом излишка в деньгах, приносило за собою прогрессивное увеличение богатства, значительно способствуя развитию торговли, промышленности и мануфактуры<sup>57</sup>. Экономический рост Италии происходил благодаря крестовым походам, которые постепенно перерастали в серьезный торговый оборот. Таким образом, Осокин относил военную колонизацию к прогрессивным явлениям, способствовавшим экономическому расцвету стран-колонистов.

Профессор Дерптского университета Пётр Медовиков (1816–1855), напротив, усматривал отрицательные последствия итальянской колонизации. Крестоносцы в его представ-

---

<sup>52</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 168.

<sup>53</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – С. 108.

<sup>54</sup> Там же. – С. 109.

<sup>55</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – С. 113.

<sup>56</sup> Там же. – С. 114.

<sup>57</sup> Осокин, Н. Заметки по экономической истории Италии / Н.А. Осокин. – Казань, 1865. – С. 1–2.

лении забывали о своем первоначальном предназначении и соблазненные хитрыми республиканцами (под которыми автор подразумевал венецианцев) становились орудием для выполнения властолюбивых замыслов итальянцев. Как мы видим, автор рассматривал колонизационный процесс с духовных позиций, с позиций православного человека, усматривая в политике итальянских республик антихристианское начало, приведшее к разрушению Византийской империи и закату латинского владычества<sup>58</sup>.

В небольшой монографии профессора Юрьевского университета Антона Ясинского (1864–1933) «Содействие чехов успехам германизации на берегах Балтийского моря» затрагивались проблемы колонизации Балтийского побережья, а вместе с тем – и особенности экономического, политического и культурного развития этих территорий. Задавшись целью оценить, «в какой мере чехи способствовали упрочению дела германизации на берегах Балтийского моря»<sup>59</sup>, автор делал интересные для нас наблюдения о том, что «основанию нового немецкого государства на берегах Балтийского моря» содействовали чешское оружие и чешские деньги, а германизация Прибалтийского побережья не только оттеснила славян от берегов Балтийского моря, но и печально отразилась на развитии их социально-экономической и культурной жизни<sup>60</sup>. Кроме того, как указывал историк, некоторые города, включенные впоследствии в систему морской торговли, были заложены именно как политические центры, свидетельствовавшие об укреплении орденового господства в стране (например, Кенигсберг)<sup>61</sup>. Россия же не участвовала в этих процессах и, по свидетельству Ясинского, не могла участвовать, потому как позже всех вступила «на поприще общеевропейской политической жизни»<sup>62</sup>. Поэтому и в политических, и в экономических вопросах она занимала позицию пассивного наблюдателя, считавшегося с «результатами предыдущего исторического развития» и целиком принимавшего «во внимание наличные факты и условия»<sup>63</sup>.

В противоречии с данным мнением находилась монография профессора Московского университета, а впоследствии заместителя директора Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина Дмитрия Егорова (1878–1931) «Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в.»<sup>64</sup>, в которой исследователь настаивал на отсутствии «какой-либо пропасти между элементами коренным и пришлым... Бок о бок, тихо и мирно, насколько это возможно в Средние века, жили здесь славяне и немцы. Судить предвзято об их взаимоотношениях, говорить о немецкой стихийной колонизации, все сметающей пред собой, вследствие численности или культурного превосходства можно лишь, отрекаясь от следования первоисточникам»<sup>65</sup>. Однако, эта монография скорее раскрывала технику работы историка, его лабораторию, а не сам конкретно-исторический сюжет, о чем неоднократно говорилось в рецензиях на нее<sup>66</sup>.

---

<sup>58</sup> Медовиков, П. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще / П.[Е.] Медовиков. – М., 1849.

<sup>59</sup> Ясинский, А. Н. Содействие чехов успехам германизации на берегах балтийского моря / А. Н. Ясинский. – Юрьев, 1898. – С. 7.

<sup>60</sup> Там же. – С. 9–10.

<sup>61</sup> Там же. – С. 13–14.

<sup>62</sup> Там же. – С. 7.

<sup>63</sup> Там же.

<sup>64</sup> Егоров, Д. Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. I: Материал и метод / Д. Н. Егоров. – М., 1915.

<sup>65</sup> Цит. по: Добиащ-Рождественская, О. Рец. на кн.: Д. Н. Егоров. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. I. Материал и метод. М., 1915 // Журнал Мин-ва нар. просвещ. – 1915. – № 10. – С. 357.

<sup>66</sup> Там же. – С. 350–363.

Не мог не обратиться к вопросам колонизации и христианизации местного населения и Феодор Фортинский. Он предварял свое исследование краткими, но весьма продуманными замечаниями о немецкой колонизации вендского побережья, тем самым реконструируя ту историческую обстановку, в которой возникли и развивались приморские вендские города. Рассуждая о причинах и последствиях немецкой колонизации, автор приходил к выводу о том, что «к концу XII в. вендское побережье можно считать страной с крайне редким славянским населением» и очень привлекательным с экономической и политической точки зрения местом для немецких колонистов<sup>67</sup>. В качестве основных причин заселения и завоевания этого края Ф. Я. Фортинский указывал не только на «естественные богатства» (обилие рыбы, зверей, плодовых деревьев, нетронутых пастбищ и др.), но и на «все выгоды приморского положения, которые очень хорошо понимали князья, устроившие города и рынки при всех лучших портах»<sup>68</sup>. Как справедливо замечал Фортинский, важное значение для колонизации края имели крестовые походы и политика по христианизации населения, которая привела к установлению «верховой власти саксонских герцогов» и выплате им дани<sup>69</sup>. Особую роль в колонизации поморья сыграли немецкие князья. Так, в частности, «мекленбургские и поморские князья в течение всего XIII в. охотно жертвовали церквям и монастырям земли» и предоставляли право заселять их, но делали это, по мнению Ф. Я. Фортинского, из эгоистических соображений с надеждою «на увеличение своих доходов с десятины и суда и на умножение своих боевых сил пришлым населением»<sup>70</sup>. «Что касается до рыцарства, то оно более, чем кто-либо, было заинтересовано в заселении пожалованных ему земель. Для рыцарей доход с крестьян был почти единственным источником существования»<sup>71</sup>. В заселении новых земель было заинтересовано и само податное население, привлекаемое сюда не только широко распространенными слухами о богатстве края, но и желанием избежать гнета прямых и косвенных налогов, а также тирании местных чиновников на старых землях<sup>72</sup>. Таким образом, по мнению Ф. Я. Фортинского, в процессе «колонизации Славии одинаково были заинтересованы князья, рыцари, епископы, монастыри ... и сами переселенцы»<sup>73</sup>, что значительно ускорило освоение новой территории<sup>74</sup> и изменение ее социально-экономического положения. «Быстрое возрастание количества переселенцев, необходимость давать им немецкое право, мало по малу повели к изменению всего социального строя вендского побережья на немецкий лад. К концу XIII в. переворот этот сказался уже на всех слоях общества»<sup>75</sup>.

Колонизационное движение Ф. Я. Фортинский связывал с последовавшим за ним процессом феодализации общества, когда мекленбургские и померанские князья, подчиняясь то герцогам саксонским, то королям датским, то императорам германским, усваивали себе основы феодального права (раздача земли церквям, монастырям, рыцарям; организация двора на немецкий лад, присвоение титула герцога)<sup>76</sup>. Причем феодальное право Фортинский понимал слишком узко, связывая его с принципами раздачи земель, новыми правилами «организации двора» и появлением титула «герцог».

---

<sup>67</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 10.

<sup>68</sup> Там же. – С. 11.

<sup>69</sup> Там же. – С. 12.

<sup>70</sup> Там же. – С. 33.

<sup>71</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 33.

<sup>72</sup> Там же. – С. 36.

<sup>73</sup> Там же. – С. 35.

<sup>74</sup> Там же. – С. 45.

<sup>75</sup> Там же. – С. 50.

<sup>76</sup> Там же. – С. 50–51.

Важное значение колонизационным процессам придавал Алексей Дживелегов. По его мнению, благодаря крестовым походам коренным образом изменялись экономические принципы средневековой торговли, главным содержанием которой становились теперь предметы роскоши. В связи с этим в торговлю включался все больший круг людей, из сферы средневековой торговли вытеснялись евреи, на их место приходили европейские купцы, первыми среди которых были итальянцы<sup>77</sup>. Развитие торговых отношений с Востоком способствовало расцвету итальянских портовых городов: Венеции, Генуи, Пизы. «... денежное хозяйство начинает под влиянием нескольких условий как экономических, так и политических, прокладывать себе путь в сфере натурально-хозяйственных отношений»<sup>78</sup>.

Другим важным теоретическим вопросом, волновавшим отечественную историографию, были последствия Великих географических открытий. Исследователи сравнивали их с коренным изменением карты мира и принципов морской торговли. Для отечественных историков эпоха Великих географических открытий была неразрывно связана не только с экономическими факторами, но и с политическими. Именно последние, по мнению большинства ученых, послужили причиной поиска новых торговых путей. Как отмечал А. К. Дживелегов, «завоевание Константинополя и черноморского побережья турками, появление мамлюков в Египте закрыло для европейской торговли путь в Италию»<sup>79</sup>, которая явилась связующим звеном между Западом и Востоком. «Почти сейчас же после падения Константинополя стали искать морского пути в Индию». Результаты этих открытий, в первую очередь, отразились на экономическом положении отдельных государств: Венеция из торгового монополиста превратилась во второстепенную державу, торговые центры со Средиземного моря были перенесены на берега Атлантического океана. К числу экономических последствий историки также относили и то, что океаническая торговля стала преобладать над внутренней, значительно упали цены на восточные товары, прилив золота и серебра из Америки решил проблему нехватки драгоценных металлов, появились новые продукты (картофель, табак, какао, ананасы и др.). Однако некоторые из этих последствий первоначально показали свой негативный характер. Например, значительное увеличение золота и серебра, по мнению А. К. Дживелегова, привело к скачку цен на товары при фиксированной заработной плате, отчего выиграли предприниматели и значительно потеряли рабочие. Эта ситуация послужила основой, с одной стороны, для обострения социальных конфликтов, а с другой, – для роста промышленного капитализма и развития банковского дела.

Таким образом, уже колонизационные процессы, по мнению дореволюционных исследователей, определили приоритеты будущей морской торговли. Германцы, вытеснив славян, тем не менее унаследовали некоторые элементы торговли, такие, как «береговое право», месторасположение крупных портовых городов. Однако колонизация и христианизация коренным образом изменили дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие региона.

Важной составляющей морской торговли являются портовые города как центры сосредоточения морской торговли. Исследованию средневековых городов посвящен ряд монографий и статей дореволюционных историков. Среди всех исследований, в первую очередь, следует упомянуть монографию А. К. Дживелегова «Средневековые города в Западной Европе» (СПб., 1902). Рассматривая особенности возникновения, развития и упадка, а также внутреннюю структуру и значение средневековых городов четырех стран (Англии, Италии, Франции и Германии), автор частично затрагивал и портовые города, а также те, которые играли ведущую роль в средневековой морской торговле. Как считал А. К. Дживелегов, глав-

---

<sup>77</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 43.

<sup>78</sup> Там же. – С. 42.

<sup>79</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 216.

ным отличительным признаком средневекового города был рынок<sup>80</sup>. «Без рынка не может быть и города. Рынок делает город хозяйственным центром всей округи»<sup>81</sup>. Как писал историк, «устанавливается двоякая связь города с рынком. Сначала приходят к пониманию значения безопасности торговых операций, а постепенно выясняется и другая сторона дела, значение города, как определенного пункта, в котором всякий желающий купить или продать найдет то, что ему нужно»<sup>82</sup>. В основе развития городов автор видел два элемента: выгода сеньора и накопление богатства у городского населения<sup>83</sup>.

Другим важным элементом средневекового города А. К. Дживелегов считал купца. «Без торгующих людей не может быть города»<sup>84</sup>. Купцы объединялись в гильдии, которые также вызвали неподдельный интерес у дореволюционных историков. В представлении историка гильдия – «это компания людей, обязавшихся взаимно поддерживать друг друга, собирающихся от времени до времени, чтобы попить вместе, и объединенных христианской идеей братства»<sup>85</sup>. Объединение купцов в гильдии имело главной целью – получение и охранение торговых привилегий, причем и за то, и за другое приходилось выкладывать королю или местным феодалам немалые средства. Поэтому гильдии объединяли достаточно зажиточных купцов, а вступление в нее с каждым годом становилось все строже и строже. Однако, без ее поддержки, по мнению Дживелегова, торговать «становилось прямо невозможно: штрафы одолевали самых строптивых сторонников самостоятельной торговой деятельности, и все наиболее зажиточные купцы, в конце концов, оказывались вынужденными вступать в гильдию»<sup>86</sup>. Гильдия с ревностью следила за чистотой своего состава, поощряя вступление в члены потомственных купцов и препятствуя проникновению в свои ряды ремесленников.

Выводы Алексея Дживелегова подкреплялись наблюдениями другого исследователя Ивана Лучицкого. По его утверждению, ганзейские города строго следили за интересами именно своего купечества, увеличивая вступительные взносы и запрещая принимать в число бюргеров иностранных граждан и простых ремесленников<sup>87</sup>. Но с другой стороны, гильдия, по мнению А. К. Дживелегова, наследуя общинную организацию, оказывала существенную поддержку купцу в самых трудных ситуациях (во время болезни, заключения под стражу, банкротства и др.). Например, в Англии «лица, принадлежавшие к купеческой гильдии, пользовались привилегией беспопытной торговли во всех английских рынках и ярмарках и в самом Лондоне; в Дюнгэте близ Лондона они пользовались правом исключительной выгрузки товаров и удаляли всякое чужое судно, случайно или умышленно попавшее туда»<sup>88</sup>.

Феодор Фортинский во второй главе своей монографии рассматривал историю возникновения и структуру выбранных им городов как политических и экономических центров. Анализируя особенности месторасположения немецких городов Ростока, Висмара, Штральзунда и Грейфсвальда, автор приходил к мысли о преемственности новой немецкой торговли от прежней славянской. «Это сходство в выборе места для торговых пунктов, занятых еще славянами, заставляло думать, что и в Грейфсвальде давно уже существовал славянский рынок, и немцы, может быть, лишь избрали другой более высокий пункт для своего

---

<sup>80</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 39.

<sup>81</sup> Там же. – С. 114.

<sup>82</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 46.

<sup>83</sup> Там же. – С. 47.

<sup>84</sup> Там же. – С. 112.

<sup>85</sup> Там же. – С. 181.

<sup>86</sup> Там же. – С. 183.

<sup>87</sup> Лучицкий, И. В. Очерки по экономической истории Западной Европы / И. В. Лучицкий. – Киев, 1893-1894. – Т. 1. – С. 1.

<sup>88</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 185.



рынка, как они сделали это в Любеке и Росток. Несомненно одно, что во всех четырех портах, как и в Любеке, шла более или менее оживленная торговля еще задолго до получения ими немецкого городского права»<sup>89</sup>. Особенность месторасположения и славянских и немецких торговых городов заключалась в том, что все они располагались при устье реки или же в защищенном островами заливе, но «не у самого моря»<sup>90</sup>. Не только месторасположение, но и внутреннее устройство городов свидетельствует, по мнению Ф. Я. Фортинского, об их торговом значении. Исследуя структуру города, его политические институты, правовые нормы на протяжении нескольких столетий, историк приходит к выводу, что средневековые города, возникнув как центры торговли, постепенно приобретали себе различные привилегии и льготы, что в конечном счете привело к их политической независимости. Первой ступенью к политической свободе городов было, по мнению Фортинского, так называемое «городское право», поставившее города в особое положение по отношению к другим частям фогтства сеньора.

Эта точка зрения нашла существенную поддержку у другого известного историка конца XIX – начала XX вв. Алексея Дживелегова. По его мнению, «не иммунитет, не стены, не рынок, не убежище, а городское право, являющееся соединением юридических последствий, вытекающих из каждого из этих условий с некоторыми отдельными моментами сельского устройства, создает город»<sup>91</sup>. В рамках «городского права» должность ратмана, на которую избирался, по предположению Ф. Я. Фортинского, исключительно купец, приобретал все большее значение, подчиняя себе фогта – представителя сеньора, и городскую общину, отстаивающую интересы всего городского населения. «Города отбирают у сеньоров одну регалию за другой, суживают круг деятельности фогта и, наконец, приобретают само фогтство»<sup>92</sup>. «Одновременность падения фогта и общины заставляет думать, что оба эти явления совершались под влиянием одних и тех же причин. Не нужно забывать, что фогт был председателем на собраниях общины, и его собственное политическое значение основывалось, конечно, до известной степени на том влиянии, каким он, как председатель, пользовался на вече, имевшем право обсуждать политические вопросы. С помощью веча он мог понудить рат действовать в удобном ему направлении. При таком положении дела является совершенно естественным, что рат, стремясь к ограничению власти фогта, позаботился и сузить круг деятельности союзника фогта – веча»<sup>93</sup>. В последующем на смену ратману пришел магистрат, который и заботился о всех нуждах города.

Этот же тезис нашел поддержку у другого исследователя средневековых городов, профессора Варшавского университета, а впоследствии одного из основателей медиевистики в Ростовском университете Николая Любовича (1855–1933/1935). На плечах у магистрата, по мнению Н. Н. Любовича, лежали обязанности не только внутригородского управления, но и внешнеполитического урегулирования. «В делах городского управления власть магистратов была огромною. В имперских городах, которые владели десятками деревень, местечками и представляли из себя почти такие же государства, как и территории других немецких князей, роль магистратов выходила далеко за пределы забот о внутреннем благоустройстве и безопасности города. На долю магистратов таких городов выпадало и руководство политической жизнью их, что было делом не особенно легким при тогдашней сложности и запутанности государственных отношений в Германии»<sup>94</sup>. «Они должны были заботиться о под-

---

<sup>89</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 59–60.

<sup>90</sup> Там же. – С. 59.

<sup>91</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 49.

<sup>92</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 75.

<sup>93</sup> Там же. – С. 87.

<sup>94</sup> Любович, Н. Н. Хозяйство и финансы немецких городов в XIV–XV вв. / Н. Н. Любович. – Варшава, 1904. – С. 3–4.

держании дружеских отношений с соседними князьями и рыцарями, заключать союзы с другими городами, помогать последним подавлять возникающие у них волнения и мятежи, а также принимать меры к улаживанию раздоров, возникших между какими-либо городами»<sup>95</sup>. Кроме того, магистраты, по доказательству исследователя, играли немаловажную роль и в деле организации различных городских союзов, и в решении важных внешнеторговых вопросов торговых городов. Причем, Любович, как и Фортинский, замечал важную особенность деятельности немецких городов данного периода, относящуюся к области их политического положения. В зависимости от их политического статуса и строилась, по мнению Любовича, их внутренняя и внешняя политика. «Круг деятельности магистратов в имперских городах был значительно шире, нежели в территориальных (Landstädte), находившихся в прямой зависимости от верховного владетеля территории (Landesherr'a)»<sup>96</sup>. Однако, и те, и другие, как считал исследователь, «пользовались полной автономией в делах внутреннего управления»<sup>97</sup>.

Несколько корректировала точку зрения Н. Н. Любовича монография А. К. Дживелегова, который выделял три группы немецких городов: королевские или имперские, княжеские и епископские<sup>98</sup>. Причем императоры даровали свободы и привилегии городам, руководствуясь стремлением создать прочную опору против антигосударственных элементов, а территориальные князья – исключительно прагматическими целями наживы, потому как льготы в основном выкупались за очень крупные суммы. Вообще, «степень самостоятельности городов находится в обратной зависимости от того, насколько страна успела выработать сильную государственную власть. В Англии, стране с наиболее централизованной и сильной властью, на собственных территориях французских королей и частью на немецких княжеских землях, за городами обеспечивается лишь известная сумма гражданских прав; политической свободы за некоторыми исключениями, которые приходится на долю Германии, тут не существует. В Италии и Южной Франции, где дробность государственной власти и политическая анархия достигли наибольшего развития, города добились и наибольшей независимости. Среднее положение занимали французские коммуны и немецкие имперские города. Таким образом, политические условия докончили то, что начали экономические. Последние сообщили толчок городскому движению, первые его урегулировали и привели к известным результатам»<sup>99</sup>. Политическая свобода городов, как считал А. К. Дживелегов, возможна в случае слабости государства, поэтому с усилением абсолютистских тенденций политическая роль городов ослабевает.

Все рассуждения Ф. Я. Фортинского по поводу развития средневековых городов подводят читателя к тому выводу, что и внутренняя структура, и политико-правовое устройство средневековых городов были направлены на защиту купеческих и торговых интересов. «По мере того, как ослабевало влияние императора, его фогта, веча, возрастало и усиливалось значение рата. Мы видели, как в его ведение отошли одна за другою все регалии: монета, пошлина, мельницы, рыбная ловля, сбор поземельной подати; видели, как он наследовал от фогта заведывание высшим судом и военным делом, созвание и руководство как общим городским вечем, так и сходками отдельных корпораций»<sup>100</sup>. Да и сами службы города были ориентированы исключительно на проведение активной и беспрепятственной торговли. «Для такого торгового города, каким был Любек, одним из самых важных дел было

---

<sup>95</sup> Там же. – С. 1–2.

<sup>96</sup> Любович, Н. Н. Хозяйство и финансы немецких городов. – С. 1.

<sup>97</sup> Там же. – С. 3.

<sup>98</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 71.

<sup>99</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 76.

<sup>100</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 87.

постараться привлечь на свой рынок возможно большее количество купцов. Гости могли приехать или водою – по морю и Травне, или сухим путем. И здесь, и там рат старался доставить им возможные удобства и безопасность. С моря при устье Травны устроен был маяк, освещавший вход в порт. Для наблюдения за ним рат содержал сторожа. По самой Травне устроен был ряд шлюзов для облегчения судоходства: наблюдавшие за ними сторожа получали жалованье от города. Морской и речной путь представляли сравнительно меньше опасности, чем большие и проселочные дороги. На море можно было опасаться пиратов, на реке – нападения рыцарей; против первых действовали тем, что отправлялись в море целыми флотилиями, против вторых – приобретением привилегии – не позволять строить замков по Травне ближе, чем на 2 мили от её берега»<sup>101</sup>.

О торговом значении средневековых городов свидетельствовала, по мнению Ф. Я. Фортинского, гипертрофированная роль купечества во внутренней структуре и политико-правовом устройстве. Как подчеркивал автор, «через всю историю развития внутреннего устройства приморских вендских городов, можно сказать, проходит одна выдающаяся черта – преобладание купечества. Еще основывая при портах рынки, сеньоры, как мы видели, стараются привлечь на них купцов: они приглашают сюда их для поселения или для торговли, им обещают разного рода льготы, с ними заключают формальные торговые трактаты. Жалуя рынкам городское право, сеньоры опять заботятся почти исключительно о купцах: им одним они передают право быть избираемыми в рат, в их пользу отказываются от сбора пошлины с горожан в своих владениях, ради них хлопочут о приобретении городам торговых льгот в соседних областях и даже отдаленных государствах. Деятельность городского рата, состоявшего из представителей купечества, естественно, тоже сосредоточена преимущественно на доставлении всевозможных удобств торговым людям: его полицейские распоряжения относительно рынка, старания по приобретению льгот, его огромные затраты на покупку соседних замков, на углубление порта, на содержание шлюзов, маяков, конвоев и пр. опять клонились, главным образом, к выгоде купцов»<sup>102</sup>. Таким образом, сложившаяся внутренняя структура города, по мнению Фортинского, должна была удовлетворять, в первую очередь, все нужды, связанные с торговлей, а с момента приобретения ими независимости от сеньора – и с внешнеполитическими интересами. «У городов есть свои юристы, свои нотарии, которые занимаются письмоводством в канцелярии рата и по временам ездят с поручениями от него по духовным и светским делам. Переход к городу регалий повел к назначению особых должностных лиц для заведывания пошлиной, монетой, мельницами... Заботы о внутренней и внешней безопасности города, особенно порта и рынка, и о доставлении всевозможных удобств торговцам опять повели к заведению известных нам по Любеку ночных стражей, таможенных, весовщиков и пр...»<sup>103</sup>.

Дополнил выводы своих предшественников А. К. Дживелегов, который считал, что городское право даровалось всем гражданам, а не одним только купцам. Как писал исследователь, наряду с городским правом существовало рыночное право, возникновение которого явилось следствием торговли, но из него не могло вырасти городское право, в котором «регламентировалась вся жизнь горожан, нормировалось право личной свободы, определялись преступления и наказания в широком смысле, говорилось о городском суде и городском устройстве»<sup>104</sup>. Таким образом, городское право, по мнению Дживелегова, не было направлено на удовлетворение узких купеческих интересов, а являлось ярким прообразом гражданского права. «Городское право выработалось благодаря юридическим последствиям суще-

---

<sup>101</sup> Там же. – С. 104–105.

<sup>102</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 125.

<sup>103</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 123–124.

<sup>104</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 115.

ствования укреплений и идее особенного мира и убежища, а также запросам торговли»<sup>105</sup>. Что касалось магистрата, то он наследовал свою власть, как считал Дживелегов, от общины и являлся аристократическим, а со вступлением в его состав плебеев-ремесленников, «он изменяется в сторону большей демократизации»<sup>106</sup>.

В городской жизни, по мнению дореволюционных исследователей, в большей степени строгой регламентации подвергалась торговая политика. И здесь городские власти старались оградить местных купцов от иностранной конкуренции. В Германии, как отмечал Дживелегов, было три главных средства, при помощи которых города охраняли себя от чужой конкуренции. В качестве них исследователь упоминал обязанности выставки своих товаров для их продажи в определенный срок и в определенном месте, запрет на розничную торговлю, оптовую покупку хлеба (муки) до закрытия рынка и др.<sup>107</sup>

В отличие от Ф. Я. Фортинского, уделявшего внимание политической составляющей развития средневековых городов, И. В. Лучицкий обращался к экономическим вопросам, привлекая различные статистические данные. В «Очерках по экономической истории Западной Европы» он исследовал численность населения немецких городов и потребительскую корзину средневекового человека. Однако, в поле зрения историка попадали в основном города, лежавшие вдалеке от морских путей – Нюрнберг, Страсбург, Франкфурт на Майне, Майнц. По наблюдениям Лучицкого, «германский город XIV и XV вв. далеко не представлял собою сколько-нибудь крупной, выдающейся величины, что он едва выступал и выделялся среди преобладающей массы населения, занятого земледельческим трудом, и являлся, следовательно, не более как лишь первоначальной, зачаточной, не вполне сформировавшейся стадии развития города в промышленно-торговый центр»<sup>108</sup>. Самым распространенным типом германского города XIV–XV вв. был город со сравнительно незначительным населением, чуть превышавшим 20 тысяч человек<sup>109</sup>. Подобные выводы Лучицкого были построены на основе анализа потребительской корзины. Увеличение потребления мяса – основного и наиболее ценного продукта средневековья – и цен на него с середины XV по середину XVI вв. в два с лишним раза свидетельствовало, по мнению историка, об удвоении городского населения Германии. «... в рассматриваемый период с 1450 по 1620 г. население Германии можно считать почти удвоившимся, что соответствует и данным о населенности городов в XV и в XVI в., представляющих в среднем почти то же удвоение»<sup>110</sup>. А сопоставление данных XV, XIV и XIII вв. свидетельствовало, как считал Лучицкий, даже о значительном уменьшении населения с XIII до XV вв., что было следствием распространения «черной смерти» и других «морových язв»<sup>111</sup>. Почти те же самые цифры приводел в своей монографии «Средневековые города в Западной Европе» и А. К. Дживелегов<sup>112</sup>.

Анализу городского бюджета была посвящена монография другого дореволюционного историка – Николая Любовича «Хозяйство и финансы немецких городов в XIV и XV вв.» Любович в отличие от Ф. Я. Фортинского заинтересовался экономической стороной средневекового города, а именно источниками доходов и статьями расходов городского бюджета. В качестве главных статей расходов Любович, как и Фортинский, называл военные, направ-

---

<sup>105</sup> Там же. – С. 176.

<sup>106</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 176.

<sup>107</sup> Там же. – С. 190.

<sup>108</sup> Лучицкий, И. В. Очерки по экономической истории Западной Европы. – С. 54.

<sup>109</sup> Там же. – С. 56.

<sup>110</sup> Там же. – С. 64.

<sup>111</sup> Там же. – С. 63.

<sup>112</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 253–262.

ленные на защиту города от нападений. «Сколько времени и труда должны были отнимать у городских магистратов заботы о военной обороне города, и какую крупную цифру в городском бюджете составляли издержки по содержанию в надлежащем порядке городских стен и укреплений, найму солдат, а также и по изготовлению необходимого оружия, в этом можно убедиться на примере города Нюрнберга»<sup>113</sup>. На военные цели некоторым крупным городам, связанным с морской торговлей, приходилось также выделять специальные военные суда, как это делал Кельн<sup>114</sup>. «Города были вынуждены держать разное необходимое оружие и содержать особых лиц и даже мастеров, которые смотрели бы за тем, чтобы оно находилось в полной исправности»<sup>115</sup>.

Другой важной статьей расходов, отчасти связанной и с военными нуждами, было строительство. «Строительное дело было одною из главнейших и важнейших отраслей городского хозяйства, и круг деятельности лиц, заведовавших им, был очень обширен. Им приходилось заботиться о содержании в полном порядке городских стен и укреплений, о ремонте их и, по мере надобности, постройке новых; они должны были смотреть, чтобы все городские здания были надлежащим образом содержимы, а также строить новые в случае надобности. Снабжение города водою, надзор за общественными колодцами, мощение улиц, содержание дорог в порядке на территории, принадлежавшей городу, заготовка строительного материала, хранение рабочих инструментов, – все это также лежало на их обязанности»<sup>116</sup>. В некоторых городах, как считал Н. Н. Любович, *Baumeister*'ы были высшими чиновниками после бургомистров и нередко заведовали значительною частью городских финансов<sup>117</sup>. Постоянными, но самыми мизерными статьями расходов были, по мнению историка, заботы магистрата о водоснабжении городского населения, пожарной безопасности и поддержании внутреннего порядка. Гораздо большая часть бюджета уходила на прием гостей и представительство в рейхстагах и собраниях. Как отмечал Любович, «поездки членов магистрата обставлялись большою торжественностью и пышностью», а в дороге их сопровождала хорошо вооруженная охрана<sup>118</sup>. «Не менее дорого обходились им приемы высокопоставленных гостей, издержки по которым следует отнести также к статье расходов по городскому представительству. Кроме того, подарки, делаемые королям и разным другим лицам, в поддержании дружеских отношений с которыми были заинтересованы города, стоили больших денег»<sup>119</sup>. Также крупные суммы шли на уплату имперскими городами налога королю<sup>120</sup> и прием высокопоставленных гостей у себя дома<sup>121</sup>. К числу случайных и непредвиденных расходов Любович относил также издержки на судебные процессы в Риме и при королевском дворе, покупку разных привилегий и погашение долгов.

Пополнение городской казны осуществлялось за счет прямых и косвенных налогов, причем, и те, и другие, как считал Н. Н. Любович, магистраты старались собирать независимо от короля или своего ландсхерра, что, в свою очередь, расширяло их финансовые возможности и политические свободы. Особенно охотно магистраты устанавливали косвенные налоги, по которым, на наш взгляд, можно определить наиболее доходные статьи средневековой торговли. Наибольший доход приносило обложение напитков (вина, меда, пива) и

---

<sup>113</sup> Любович, Н. Н. Хозяйство и финансы немецких городов в XIV и XV вв. / Н. Н. Любович. – Варшава, 1904. – С. 5.

<sup>114</sup> Там же. – С. 7.

<sup>115</sup> Там же. – С. 7.

<sup>116</sup> Любович, Н. Н. Хозяйство и финансы немецких городов. – С. 10.

<sup>117</sup> Там же. – С. 11.

<sup>118</sup> Там же. – С. 15.

<sup>119</sup> Там же. – С. 17.

<sup>120</sup> Любович, Н. Н. Хозяйство и финансы немецких городов. – С. 28.

<sup>121</sup> Там же. – С. 18.

муки. «В Северной Германии, которая не производила своего вина, только немногие города получали большой доход с акциза с него, как, например, Кельн, который старался захватить в свои руки всю торговлю вином с землями, лежащими вниз по течению Рейна, и с ганзейскими городами»<sup>122</sup>. Вообще вино для подавляющей массы северогерманских городов было дорогим напитком, и нередко торговля им была монополией городского управления. Крупную прибыль приносили также акцизы с муки. Акциз «взимался обыкновенно с зерна, предназначенного к помолу. Поэтому, сдача зерна на мельницу была подчинена строгому контролю, равно как и мельники, чтобы не допустить каких-либо злоупотреблений относительно мучного налога»<sup>123</sup>. Взимались акцизы и с других пищевых продуктов (мяса, рыбы, масла и др.).

Другими источниками пополнения городского бюджета были, по мнению Любовича, таможенные пошлины, чеканка монеты, вступительные взносы новоиспеченных бюргеров, различные сборы, связанные с использованием подъемного крана, городских весов и т. д. Например, «взимавшаяся за пользование ими [подъемными кранами – С.А.] плата принесла в 1379 г. Кельну сумму, которая составила 3,99 % всех его доходов»<sup>124</sup>. Однако, средневековые города, несмотря на такой большой оборот денежных средств, нередко являлись крупными должниками, что, как считал Н. Н. Любович, отнюдь не мешало, а, наоборот, способствовало развитию городов и городского хозяйства: «... не всегда успевали города выйти благополучно из финансовых затруднений и выполнить свои обязательства по отношению к кредиторам. Еще реже можно было встретить города, которые могли обходиться без займов. Это удавалось до некоторой степени иным швейцарским городам... Многие же города Германии в указанное нами время должны были не раз объявлять себя банкротами»<sup>125</sup>.

Таким образом, историки рассматривали развитие морской торговли в XIII–XV вв. в тесной взаимосвязи с возникновением и развитием городов. Города представляли важную часть средневековой торговли, т. к. именно здесь зарождались основы нового торгового права, т. к. именно здесь концентрировались все необходимые элементы торговли. О торговом значении городов свидетельствовали и их внутренняя структура, и их внутренняя политика, направленные на защиту купеческих интересов. Возросшая роль торговли, торговых отношений в эти века способствовали и росту городов, достижению их относительной политической свободы и даже складыванию таких крупных союзов во главе с городами, которые активно включались в борьбу за раздел сферы влияния на морях.

---

<sup>122</sup> Там же. – С. 37.

<sup>123</sup> Любович, Н. Н. Хозяйство и финансы немецких городов. – С. 40.

<sup>124</sup> Там же. – С. 45.

<sup>125</sup> Там же. – С. 60.

## 1.2. Проблема существования крупных торговых союзов в отечественной историографии последней трети XIX – начала XX века

Другой волнующей всех проблемой была история возникновения и развития крупного торгового союза – Великой Немецкой Ганзы. Эту тему не могли обойти вниманием все дореволюционные историки, обращавшиеся к проблеме средневековой торговли. Любые купеческие союзы или общества рассматривались на примере Ганзы.

Первоначально остановимся на точке зрения приват-доцента Московского университета Виктора Михайловского (1846–1904), автора LXII раздела «Книги для чтения по истории средних веков» под редакцией Павла Виноградова, который рассматривал историю создания и внутреннее устройство крупного торгового союза XIV–XV вв. – Ганзы. По его мнению, два центра торговли, сложившиеся на Севере и Юге Западной Европы, не были изолированы друг от друга, а соединялись несколькими сухопутными и речными путями и одним морским маршрутом, проходившим «от Гибралтарского пролива по океану и Ламаншу»<sup>126</sup>. Если на юге, в Средиземноморье, первенство в морской торговле принадлежало итальянским городам: Венеции, Генуе и Пизе, то на севере – Великой Немецкой Ганзе, купеческому товариществу, объединявшему первоначально 90 северных немецких городских общин и разросшемуся впоследствии до очень крупных размеров: «Если взять Новгород на востоке, Лондон на западе, Берген в Норвегии на севере, то на всем пространстве между этими тремя пунктами в XIV и XV столетиях влияние союза нижненемецких городов, известного под названием Ганзы, чувствовалось не только в делах торговых, но даже и в политических. Вдоль Немецкого (Северного – А.С.) и Балтийского морей по низовьям Рейна, Эмса, Везера, Эльбы, Одера, Вислы и Западной Двины, кончая устьями Наровы (Нарвы – А.С.), и притом довольно далеко внутрь страны, многочисленные города входили в состав торгового братства, гордившегося господством на морях и на суше... Среди ганзейских городов, управляемых могущественным и богатым купечеством, особенно выдавались: Амстердам, Кельн, Бремен, Гамбург – в области Немецкого моря, и Любек. Вендские города, Данциг, Рига, Висби на острове Готланде – в бассейне Балтийского моря, и Магдебург с Бреславлем в глубине германской земли»<sup>127</sup>. «Ганза покрыла целую сеть договоров, заключенных в течение XIV и XV столетий, обширное пространство от Пиренейского полуострова до гранитных берегов Финляндии»<sup>128</sup>. Достаточно много рассуждений существовало в исторической литературе по поводу самого термина «Ганза». Ф. Я. Фортинский обращался к изучению истории происхождения этого термина, в результате чего приходил к осторожному предположению, что он, вопреки мнению большинства исследователей, не немецкого, а славянского происхождения и означает «уз» или «союз». «Где впервые это слово было приложено к обозначению купеческого общества и подано как право торговли и вступления в купеческую гильдию, и откуда оно пошло гулять по свету, – задавал риторический вопрос Фортинский, – Его находят и во французских, и в немецких, и в английских, и в нидерландских документах XII в. с тем же самым значением», но происхождение этого термина до сих пор не установлено. В. Михайловский давал несколько упрощенную трактовку этого термина: «Ганзой называлось купеческое товарищество, известным образом организован-

---

<sup>126</sup> Михайловский, В. Ганза // Книга для чтения по истории Средних веков / под ред. проф. П. Г. Виноградова. – М., 1914. – Вып. 4. – С. 340.

<sup>127</sup> Михайловский, В. Ганза. – С. 342.

<sup>128</sup> Там же. – С. 346.

ное» и направленное «на преследование исключительно торговых целей»<sup>129</sup>. А. К. Дживелегов выделял несколько значений этого термина. «В Англии он означает не только торговую ассоциацию, но и совокупность торговых прав, которыми она сама пользуется и которые уступает другим; наконец, hanse может означать ту сумму денег, за которую местная гильдия уступает свои права чужестранным или туземным купцам»<sup>130</sup>. При этом А. К. Дживелегов не видел принципиальной разницы между двумя терминами: ганза и гильдия. «Гильдия – это союз купцов, который ставит своей целью получение торговых привилегий и осуществление их в своем городе и в других городах... Ганза – термин, имеющий много значений в средневековом торговом праве, но чаще всего под ним подразумевают купеческое общество»<sup>131</sup>. Однако, несмотря на весь спектр точек зрения, все исследователи были единодушны в том, что Ганза ассоциировалась в большей степени с Великой Немецкой Ганзой, или в редких случаях с Брюггской.

В качестве главных причин единения купцов в торговые союзы В. Михайловский называл «опасности со стороны разбойничавших дворян», которые присваивали себе все товары с потерпевших кораблекрушение судов, не считаясь с интересами купечества. Параллельно с союзами купцов возникали и союзы городов, стремившиеся при слабой государственной власти обезопасить себя и своих представителей от посягательства соседей. «Так, немецкие купцы на чужбине основывали тесно сплоченные товарищества, носившие названия гильдий или Ганз, а на родине, у себя в Германии, устраивали городские союзы; когда общества купцов и городские союзы всей северной Германии сблизились и, тесно соединившись, составили одно целое, тогда на почве Западной Европы появилась Великая Немецкая Ганза»<sup>132</sup>.

Ф. Я. Фортинский вслед за зарубежными авторами считал, что «в основу ганзейского союза легли два элемента: общества немецких купцов в чужих землях и союзы городов в самой Германии»<sup>133</sup>. В отличие от немецких историков исследователь выделял целый комплекс причин, способствовавших его возникновению. По его мнению, это были не только опасности морской и сухопутной торговли и желание купцов обезопасить себя от притеснений местных землевладельцев и торговцев, но и заинтересованность городов и сеньоров в привлечении сюда купеческого капитала, для повышения доходов, с одной стороны, с другой – для осуществления более лучшей защиты города от нападения врагов. «Поэтому сеньор и город старались всеми мерами сманить гостей к переселению и облегчить им получение права гражданства»<sup>134</sup>. Во-вторых, опасности морской торговли, особенно пиратство и береговое право, заставляли купцов объединяться в большие группы, на время поездки защищавшие свои интересы<sup>135</sup>. В-третьих, «помимо открытых нападений сухопутных и морских разбойников, вендскому купцу угрожали при торговле в чужих краях всевозможные ограничения и притеснения»<sup>136</sup>. Купцы, желая добиться определенных льгот и обезопасить свою торговлю от разорительных поборов и сделок местных жителей, объединялись в купеческие общества и устраивали свои конторы в тех крупных портах, с которыми велась оживленная торговля<sup>137</sup>. В этом отношении сильно проигрывала торговля на дальние расстоя-

---

<sup>129</sup> Михайловский, В. Ганза. – С. 342.

<sup>130</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 185.

<sup>131</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века / А. К. Дживелегов. – СПб., 1904. – С. 115–117.

<sup>132</sup> Михайловский, В. Ганза. – С. 343.

<sup>133</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 327.

<sup>134</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 330.

<sup>135</sup> Там же. – С. 335–336.

<sup>136</sup> Там же. – С. 336.

<sup>137</sup> Там же. – С. 345.



ния (на Северном море), потому что там (в отличие от Балтийского моря) «труднее было бороться... с обычными опасностями, труднее – составить из себя независимое общество, которое своею численностью и богатством было бы в состоянии внушить к себе уважение»<sup>138</sup>. «Поэтому неудивительно, что в портах немецкого моря любекские купцы должны были начать с попыток пристать к существовавшим уже там обществам, подобно тому, как купцы внутренних городов Германии примыкали к вендским обществам в Шонене»<sup>139</sup>.

С другой стороны, складыванию ганзейского союза способствовала заинтересованность иноземных государей в расширении своих торговых связей с Любеком и другими приморскими городами. Особый акцент на политических причинах возникновения этого союза делал А. К. Дживелегов. Он, в отличие от Ф. Я. Фортинского, отмечал не заинтересованность, а, наоборот, политическое равнодушие, полное непонимание и нежелание соседних государств препятствовать возникновению этой организации.

«Германская империя была слаба, ...три скандинавских государства изнуряли себя ожесточенными усобицами, Англия втягивалась в борьбу с Францией, Русь можно было совсем не принимать в расчет»<sup>140</sup>. Инициатором союза Ф. Я. Фортинский считал богатых купцов, ведших «оптовую торговлю в чужих краях и на практике постоянно убеждавшихся во всей пригодности совместной борьбы с врагами»<sup>141</sup>. Лидером и главным проводником этих идей выступал Любек, как торговый центр, достигший самого высокого для своего времени уровня развития как в городском управлении, так и в торговых связях. А. К. Дживелегов раскрывал читателю сложный процесс возникновения Великой Немецкой Ганзы, который начинался с образования в XI–XII вв. купеческих межмуниципальных гильдий на фоне городских союзов, постоянно боровшихся с королевской властью и баронами. Далее происходило укрупнение купеческих обществ за счет их объединения в одну ассоциацию (например, в 1268 г. вокруг Любека образовалась особая Ганза, ставшая непримиримым конкурентом для другой крупной Ганзы – Кёльнской), которая в свою очередь прибегала к принципам городских союзов. Главным результатом этого процесса было объединение материального и процессуального права, объединение торговых обычаев и отчасти денежных знаков, взаимные уступки, почти окончательно уничтожившие таможенные сборы. Носителем этих новых правил во второй половине XIII в. стал союз вендских городов, переросший в середине XIV в. в «Немецкую Ганзу» во главе с Любеком. Для А. К. Дживелегова Ганза никак не ассоциировалась со сложносоставным союзом городов и купцов, как это мы встречали у Ф. Я. Фортинского или В. Михайловского. Для него истоки Великой Немецкой Ганзы связывались с первыми межмуниципальными купеческими гильдиями, но само ее существование относилось к более позднему периоду и связывалось уже не с купцами и их объединениями, а с союзом городов, полностью изменившим городское законодательство в пользу развития торговли. Немецкая Ганза – «это торговая держава, которая могла диктовать свои условия кому угодно»<sup>142</sup>. В ходе этих рассуждений присутствовала некоторая терминологическая неясность, которая преодолевалась при знакомстве с другими трудами историка. Для А. К. Дживелегова термины «гильдия» и «ганза» выступали как равнозначные, но только на ранних этапах развития этих купеческих объединений, далее в понятие «Ганза» исследователь вкладывал характеристику крупного средневекового союза городов – Великой Немецкой Ганзы и рассматривал ее не просто как объединение купцов, а как торговую державу,

---

<sup>138</sup> Там же. – С. 351.

<sup>139</sup> Там же. – С. 351–352.

<sup>140</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – С. 123–124.

<sup>141</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 383.

<sup>142</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – С. 126.

находившуюся в своем эволюционном развитии на несколько ступеней выше и более того, полностью монополизировавшую североευропейскую морскую торговлю<sup>143</sup>. Хотя далее он относил Ганзу по своей «юридической конструкции» к типичной форме средневековой купеческой ассоциации – «гильдии» и ставил ее намного ниже итальянского «торгового товарищества», основанного на принципах капитализма<sup>144</sup>. Подобное же наблюдение до А. К. Дживелегова сделал М. М. Ковалевский, считая «гильдию» ранней формой развития купеческих промышленных обществ, которые с течением времени эволюционировали в цеховое устройство<sup>145</sup>.

Несколько особняком в дореволюционной историографии стоит мнение декана историко-филологического факультета Киевского университета Александра Никитского (1842–1886), который связывал образование купеческих союзов с патриархальным строем и рискованными условиями международного рынка на Балтийском поморье XIII–XV веков<sup>146</sup>. Основу для образования купеческих союзов, как считал историк, заложили родственные отношения между членами одной общины.

Это слишком безусловное утверждение подверглось острой критике со стороны члена Императорской Санкт-Петербургской академии наук Александра Лаппо-Данилевского (1863–1919), усмотревшего в нем значительное влияние немецкой историографии. По мнению историка-русиста, в образовании купеческих компаний главную роль сыграли не только опасность далекого плавания, но и риск конкурентной борьбы и развитие системы кредита<sup>147</sup>. Развивая далее этот тезис, Лаппо-Данилевский находил подобные купеческие общества и на русской почве, выделяя в Новгороде два типа торговых ассоциаций: «societas fratrum» (с вложением в товарищество всего имеющегося у купца капитала) и «commenda» (с долевым участием в деятельности товарищества)<sup>148</sup>, которые, однако, не эволюционировали в крупное купеческое образование.

Складывание ганзейского союза большинство исследователей рассматривали как закономерный процесс, протекавший с переменным успехом. Как отмечал Ф. Я. Фортинский, объединение городов происходило не так гладко, как это представлено во многих учебных пособиях по всеобщей истории, вышедших в конце XIX – начале XX вв.<sup>149</sup> В деятельности этого союза наступали как периоды наибольшего сплочения, так и фактического распада и разложения. И те, и другие моменты возникали во время продолжительной войны приморских вендских городов с Данией за господство на Балтийском море. Первоначально в 1362 г. ганзейский союз потерпел поражение от датского короля Вальдемара IV, что привело к большим экономическим потерям городов, составлявших основу этого союза, и к отказу от выполнения всех предписаний остальными его членами. «Одни торговцы, несмотря на запрет, плавали с товарами в Данию и Шонен; другие – чтобы получить законный предлог на такую торговлю, приобретали право гражданства в городах, не принадлежавших к Ганзе, и под именем тамошних купцов возобновляли сношения с Данией; на сеймы являлись представители немногих городов... Прусские города прислали к вендским резкое письмо, где отказывались от продолжения сбора пошлины на военные издержки и даже требовали

---

<sup>143</sup> Там же. – С. 126.

<sup>144</sup> Там же. – С. 128–130.

<sup>145</sup> Ковалевский, М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства / М. М. Ковалевский. – Т. III. – М., 1903. – С. 434.

<sup>146</sup> Никитский, А. И. История экономического быта Великого Новгорода / А. И. Никитский. – М., 1893. – С. 95.

<sup>147</sup> Лаппо-Данилевский, А. С. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI–XV вв. Отзыв о сочинении А. И. Никитского «История экономического быта Великого Новгорода / А. С. Лаппо-Данилевский. – М., 1893. – С. 53.

<sup>148</sup> Там же. – С. 55.

<sup>149</sup> См.: Михайловский, В. Ганза. – С. 338–354.

назад деньги...»<sup>150</sup>. Однако, уже во второй войне с Данией Ганзейский союз достиг больших успехов благодаря пересмотру своей внутренней политики и установлению жесткой дисциплины.

Победа в этой продолжительной войне принесла приморским вендским городам не только восстановление прежних привилегий и льгот на Балтийском море, но и усиление своего влияния на Балтийском и Северном морях. «Вторая война с Вальдемаром IV, кончившаяся блестящим ганзейским миром, увеличила влияние приморских вендских городов на заграничные немецкие конторы и содействовала упрочению самого союза городов и купцов немецкой ганзы»<sup>151</sup>.

Характеристика внутренней структуры Великой Немецкой Ганзы являлась одним из самых слабых мест отечественной историографии. А. К. Дживелегов попытался определить принципы, на которых держалось это объединение, и пришел к выводу, что при крепкой внутренней организации ее деятельность была слабо регламентирована. Помимо равноправия и полной свободы каждого из ее членов, ганзейцы наделялись всеми привилегиями и льготами в проведении торговых сделок в большинстве стран Западной Европы. Единственным строгим правилом деятельности этого союза было неукоснительное выполнение постановлений Кельнской конфедерации, а в последующем – решений съездов городов в сфере торговли. Постановления политического характера, среди которых было участие в военных действиях, не имели принудительной силы. Во внутренней структуре Ганза сначала делилась на трети, потом на четверти: вендскую (Любек), нидерландско-вестфальскую (Кельн), прусско-лифляндскую (Данциг), саксоно-бранденбургскую (Брауншвейг).

Ведущую роль в деятельности ганзейского союза играли приморские вендские города, исследованию которых была посвящена монография Ф. Я. Фортинского, первенство которым отдавал и В. Михайловский, но при этом последний особенно подчеркивал соперничество Любека и Кельна за право ведения всех дел, связанных с Ганзой. Что касалось вопросов, входивших в ведение этого торгового союза, то он был достаточно широк: от сугубо торговых сделок до крупных политических проблем, как например, объявление и ведение войны с датским королем Вальдемаром IV за политическое господство на Балтийском море. Как отмечал Михайловский, «все... государи, князья и послы искали поддержки и содействия всемогущей Ганзы»<sup>152</sup>. К числу торговых вопросов относились те, которые регулировали дела всех купцов как внутри союза, так и за его пределами, поэтому интересы остального городского населения, как правило, не учитывались, более того, зачастую вызывали враждебное отношение со стороны купечества, как, например, демократические цеховые движения XIV в.<sup>153</sup> Общей ганзейской казны не существовало, а все расчеты носили запутанный характер, да и членство в Ганзе не принуждало к исполнению каких-либо обязанностей.

То же самое мнение мы встречаем и в монографии А. К. Дживелегова «Средневековые города в Западной Европе», который указывал на сохранение индивидуального характера в проведении любых торговых операций.

Итак, Ганза, по мнению В. Михайловского, осуществляла защиту торговых и, насколько это было необходимо, политических интересов купечества, в свою очередь, не обязывая их нести повинности и не ограничивая их в своей деятельности. Она создавала благоприятные условия как для существования средневекового купечества, так и для эко-

---

<sup>150</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 405.

<sup>151</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 415.

<sup>152</sup> Михайловский, В. Ганза. – С. 348.

<sup>153</sup> Там же. – С. 350.

номического и политического роста городов, которые в конечном итоге и выступили основными виновниками ее упадка<sup>154</sup>.

Конечно же, в распадае Ганзы лежал, по мнению В. Михайловского, целый комплекс причин, среди которых важное место занимал природный фактор. Изменение ареала обитания сельдей привело к нарушению всей сложной цепочки ее обработки и реализации. В итоге исчез один из основных предметов торговли, резко увеличилась безработица городских ремесленников, а купцы потерпели непоправимые убытки. В числе неблагоприятных причин В. Михайловский называл «открытие Америки и морского пути в Индию», укрепление отдельных территориальных князей в Германии, усиление и выход из союза представителей соседних государств, насильственное закрытие ганзейской конторы в Новгороде великим князем московским Иоанном III. «Немецкий орден поссорился с Ганзой, и прусские города перестали участвовать в ее делах... Возвышение герцогов бургундских, укрепление национального сознания в скандинавских государствах, энергичная политика Тюдоров в Англии, – все это подрывало жизненные нити союза...»<sup>155</sup>. К числу уже обозначенных причин А. К. Дживелегов добавлял свои – это «узость экономического кругозора», которая заключалась в неумении ганзейцев комбинировать отживавшие средневековые операции с наиболее передовыми – кредитными<sup>156</sup>.

Ф. Я. Фортинский постарался избежать рассмотрения причин падения Ганзы, мотивируя это тем, что подобные сюжеты выходят за рамки его исследования, хронологически оканчивающегося 1370 г.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в дореволюционной историографии был вопрос о русско-ганзейских отношениях и причинах закрытия немецкого двора в Новгороде при Иване III. А. И. Никитский первое появление немецких купцов в Новгороде относил «к исходу XII века»<sup>157</sup>.

А. С. Лаппо-Данилевский в отзыве на монографию А. И. Никитского «История экономического быта Великого Новгорода» (М., 1893) несколько корректировал это утверждение, считая, что немцы к этому времени не просто появились на новгородской земле, а прочно утвердились в качестве постоянных торговых партнеров, с которыми заключались специальные соглашения о беспошлинной торговле, которые имели в русских землях, в частности, в Смоленске, свои «церковь, двор, старосту, капиталы и гири»<sup>158</sup>.

Ректор Санкт-Петербургского университета и одновременно директор Санкт-Петербургского археологического института Иван Андреевский (1831–1861) начинал отсчет торговым связям Новгорода с немецкими купцами с XI в., со времен Ярослава I<sup>159</sup>. В XIII же веке эти отношения вступали в эпоху расцвета, о чем свидетельствовал договор 1270 г. Исследователь выделял несколько причин, приведших к заключению подобного договора, среди них – и опасности торгового пути, и необходимость получения торговых привилегий вследствие нарастания конкуренции в Новгороде, и оформление немецкого союза в Новгороде. Как мы видим, автор рассматривал эти причины односторонне, отмечая выгодность подобного шага для немецких партнеров. Заинтересованность новгородцев Андреевским характеризовалась слишком упрощенно, как стремление «сильнее привязать немцев к Нов-

---

<sup>154</sup> Михайловский, В. Ганза. – . – С. 348.

<sup>155</sup> Там же. – С. 354.

<sup>156</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – С. 203–206.

<sup>157</sup> Никитский, А. И. История экономического быта Великого Новгорода / А. И. Никитский. – М., 1893. – С. 30.

<sup>158</sup> Лаппо-Данилевский, А. С. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI–XV вв. – С. 46–47.

<sup>159</sup> Андреевский, И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. / И. Е. Андреевский. – СПб., 1855. – С. 2.

городу»<sup>160</sup>. Андреевский считал, что до 1270 г. отсутствовали какие-либо договорные отношения между Новгородом и немецкими купцами, потому что русская сторона не желала установления невыгодных для нее условий торговли. Отсюда все дошедшие до нас документы XIII в., оговаривавшие права и обязанности торгующих сторон, являются, по мнению исследователя, ничем иным, как проектами, черновыми вариантами договора 1270 г.

Декан историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, профессор Василий Бауэр (1833–1884) вообще утверждал, что «до второй половины XV столетия запад имел весьма смутные понятия о восточной части Европы», и первые контакты на правительственном уровне установились лишь при Иване III и его сыне Василии III (конец XV – начало XVI вв.)<sup>161</sup>.

В отношении особенностей русско-немецкой торговли все вышеназванные историки были единодушны в том, что она находилась под строгим контролем сначала новгородской республики, а потом – московского князя, что, однако, не мешало установлению немецкой монополии на северное направление европейской торговли. Об установлении тяжелой монополии Ганзы на русскую торговлю впервые было заявлено в немецкой историографии. В частности, Георг Сарторий в своем труде «Geschichte des hanseatischen Bundes» (1801–1808 гг.) писал о заключении неравноправных договоров между Ганзой и ее торговыми партнерами, что позволяло ей диктовать свои условия в посреднической торговле, но, однако, не мешало, по его мнению, благотворному культурному влиянию Ганзы в монополизированных ею областях. В русской исторической науке второй половины XIX в. полностью отвергалось позитивное культурное влияние Ганзы на развитие русской народности, но охотно признавалась монополия Ганзы на русско-немецкую и вообще русско-европейскую торговлю<sup>162</sup>.

Как отмечал профессор Нежинского историко-филологического института, впоследствии заведующий институтской библиотекой Михаил Бережков (1850–1932), «нужно согласиться с немецкими историками, что торговля с Новгородом была очень выгодна для Ганзы»<sup>163</sup>. Но этот же автор в отличие от других русских ученых усматривал в установлении подобной монополии и благотворное влияние для Новгорода и всех русских земель, в частности, в области развития отдельных ремесленных промыслов и отраслей промышленности, тесно связанных с торговой деятельностью.

О положительном влиянии немецкой торговли для Новгорода упоминал и И. Е. Андреевский, отмечая, что именно благодаря русско-ганзейским отношениям и торговым договорам шло бурное развитие Новгорода как торгового центра, во многом подрывавшего экономику ливонских городов, тоже претендовавших на значение важных перевалочных пунктов<sup>164</sup>.

В числе причин, приведших к упадку новгородской торговли на европейском рынке, А. И. Никитский и А. С. Лаппо-Данилевский называли невыгодные условия внутреннего новгородского рынка, систему ганзейских монополий, разложение Ганзейского союза и «торжество московского порядка»<sup>165</sup>. М. Н. Бережков в своих рассуждениях шел несколько дальше,

<sup>160</sup> Там же. – С. 5.

<sup>161</sup> Бауэр, В. В. Сношения России с германскими императорами в конце XV – начале XVI ст. / В. В. Бауэр // Журнал Мин-ва нар. просвещ. – М., 1863. – Ч. CXVIII. – Отд. 2. – С. 56–57.

<sup>162</sup> Никитский, А. И. История экономического быта Великого Новгорода; Лаппо-Данилевский, А. С. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде; Бережков, М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. / М. Н. Бережков. – СПб., 1879.

<sup>163</sup> Бережков, М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. – С. VII.

<sup>164</sup> Андреевский, И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. – С. 6–7.

<sup>165</sup> Лаппо-Данилевский, А. С. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде. – С. 55.

связывая упадок новгородской торговли с отсутствием у Новгорода «купеческого или государственного флота». Причем в сложившейся ситуации этот исследователь винил не ганзейские города и иностранных купцов, якобы мешавших выходу новгородцев на европейский рынок, а особенности самого новгородского быта, где боярская дума значительно превосходила купеческую и не была заинтересована в строительстве собственного флота и проведении протекционистской политики, а также специфику новгородской колонизации, направленной не к балтийским берегам, а на северо-восток Руси (Поморье, Сибирь). Именно в рамках концепции самостоятельного выхода русских земель к Балтийскому морю и развития независимой торговли М. Н. Бережков рассматривал события конца XV в., связанные с закрытием Немецкого двора в Новгороде при Иване III. Полемизируя с Н. М. Карамзиным, М. Н. Бережков считал, что закрытие Немецкого двора в Новгороде – отнюдь не бесцельный ошибочный поступок московского князя, приведший к нарушению сложившихся экономических связей, а далеко продуманный политический шаг, направленный на защиту прав русского купечества и национальных интересов. Подобным образом Иван III желал добиться равноправных условий в русско-ганзейской торговле, а именно отмены беспошлинной торговли немецких купцов на территории Московского государства и Новгорода, право свободного передвижения русским купцам в качестве торговых партнеров за пределами русского государства, возможности строительства торгового флота и выхода в Балтийское море<sup>166</sup>.

К северному направлению морской торговли отечественные исследователи относили торговые центры Фландрии и Англии. Фландрский город Брюгге не относился к Великой Немецкой Ганзе, как считало большинство исследователей, вследствие того, что он являлся «самым крупным по оборотам торговым городом Европы», «одним из самых важных центров кредитных операций»<sup>167</sup> и слишком дорожил своей самостоятельностью. Его называли «северной Венецией», хотя, как верно подмечал А. К. Дживелегов, он во многом превосходил ее. А. К. Дживелегов выделял несколько причин роста торгового могущества этого города: благоприятные географические условия, продуманная политика графов, основанная на принципах свободной торговли (что выражалось в уменьшении таможенных пошлин, смягчении «складочного права» и создании условий для организации иностранных контор и поселений), и др.<sup>168</sup> Этот же исследователь отмечал важную особенность экономического роста Брюгге: «чем больше увеличивалась торговля Фландрии, тем больше купечество Брюгге сокращало свою активную деятельность. Его торговый флот уменьшался, торговые поездки делались все реже»<sup>169</sup>. Местное купечество благодаря запрету торгового обмена между иностранцами на территории Брюгге становилось важным посредником в западноевропейской торговле, т. к. здесь пересекались все важнейшие средневековые торговые магистрали. «Богатство Фландрии держалось на двух фактах: на ее шерстяной промышленности и на удобном положении порта Брюгге, – заявлял А. К. Дживелегов. Однако, далее, анализируя причины экономического упадка Фландрии, он акцентировал внимание на первом из них. Из его логики рассуждений следовал вывод о том, что стремительно возросшее суконное производство Англии, вышедшее на мировой рынок, окончательно разорило это государство. В представлении А. К. Дживелегова Фландрия не могла конкурировать с английскими сукнами, т. к. Англия представляла собой иной – капиталистический – более развитый тип промышленного производства.

---

<sup>166</sup> Бережков, М.Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. – С. 263–264.

<sup>167</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века / А. К. Дживелегов. – СПб., 1904. – С.180.

<sup>168</sup> Там же. – С. 179.

<sup>169</sup> Там же. – С. 177.

В Англии отечественные исследователи находили первые ростки развития капиталистических отношений. Причем процесс этот начинался с английской промышленности и плавно перетекал в сферу торговли, где возникали первые купеческие компании, организованные уже не на средневековой основе. Развитие национального купечества поддерживало английское правительство, что в немалой степени способствовало успехам английской коммерции, в то время как в Германии, где существовала Великая Немецкая Ганза, главной опорой морской торговли служили города. Именно они, по мнению Дживелегова, создали немецкий флот и превратили весь север Европы в область немецкой экономической активности<sup>170</sup>.

Таким образом, историки, обращавшиеся к истории организации торговых союзов, в качестве яркого примера рассматривали Великую Немецкую Ганзу. Выделяя различные причины возникновения подобных организаций, исследователи единодушны в том, что опасности средневековой торговли и необходимость собственного укрепления в иностранных государствах способствовали единению купцов и городов в сплоченные общества и союзы. Данные союзы, осуществляя в основном экономические функции, никоим образом не ограничивали политическую свободу своих членов, а нередко решали и важные политические вопросы, связанные с господством на Балтийском море, как в случае с Ганзой. Однако, эти союзы с течением времени все-таки не смогли заменить государства и распались в связи с усилением абсолютистских тенденций. Для морской торговли эти союзы, по представлению дореволюционной историографии, играли решающую роль, так как не только определяли основные направления торговли, ассортимент товаров и условия проведения торгов, но и влияли на политическую атмосферу в контролируемом ими регионе, которая тесным образом соприкасалась с социально-экономическими вопросами. Деятельность союзов была направлена на создание благоприятного для своих купцов политического и экономического климата, что достигалось путем привилегий и льгот, выкупленных или добытых военной силой.

---

<sup>170</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – С. 202.

### **1.3. Южное направление морской торговли в исследованиях отечественных историков второй половины XIX – начала XX века**

В дореволюционной историографии тема южного направления морской торговли была менее востребована. В основном исследователи обращались к изучению византийской истории, в связи с чем вставали проблемы развития итальянских морских республик, торговых связей южных государств с Россией, черноморской торговли. Тему южного направления морской торговли в исторической перспективе, применяя историко-сравнительный анализ Юга и Севера, рассмотрел в своих произведениях Алексей Дживелегов. Он одним из первых противопоставил средневековую Ганзу новым формам развития экономических отношений, развивавшихся в Италии. Итальянские товарищества характеризовали новый этап развития торговли, где происходило объединение «коллективных капиталов и операций»<sup>171</sup>. Если для средневековой Ганзы важным было индивидуальное участие каждого купца со своим собственным капиталом, то для итальянского торгового товарищества, как считал историк, необходимым условием было коллективное объединение всего капитала и всего состояния определенной группы людей, где уже не каждый индивидуально нес ответственность и получал прибыль от сделки, а где эта прибыль, как и ответственность, распределялась между членами товарищества. «Такие торговые общества впервые появились в Италии: Венеции, Генуе, Пизе, Флоренции, Сиене, Милане и других»<sup>172</sup>. А. К. Дживелегов выделял три типа итальянских товариществ: компания (так называемое «полное товарищество») с использованием кредита, коммента с привлечением капитала других лиц, акционерное общество. Развитие системы кредита исследователь объяснял нехваткой благородных металлов, которые резко сократились в связи с увеличением спроса.

А. К. Дживелегов выделял несколько крупных торговых центров мировой торговли, среди которых первенство отдавал итальянским городам – Венеции, Генуе, Милану и Флоренции.

Исследователь усматривал во взаимоотношениях этих городов напряженную конкурентную борьбу, которая выражалась в погоне за рынками в виде присвоения отдельных островов и портов<sup>173</sup>. Отличие итальянских городов от немецких центров заключалось, по А. К. Дживелегову, в том, что первые сумели сосредоточить у себя и транзитную торговлю и промышленное производство. Но и среди упомянутых итальянских центров были свои различия. Например, Венеция значительно преуспела и в производстве стеклянных изделий и шелковых тканей, и в средиземноморской торговле. Она являлась важнейшим связующим звеном между Западом и Востоком, осуществляя перевозку восточных пряностей и западноевропейских товаров. «Транзитная торговля Венеции имела в виду, главным образом, запад, ее промышленность – и запад, и восток»<sup>174</sup>. А. К. Дживелегов называл Венецию «первоклассной морской державой», «истинной владычицей морей», «царицей Адриатики». Грозным соперником Венеции А. К. Дживелегов видел Геную, которая сосредоточила в своих руках черноморскую торговлю и «западную половину» средиземноморской. Однако, Генуя, как считал А. К. Дживелегов, в отличие от других итальянских центров

---

<sup>171</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – С. 129.

<sup>172</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – С. 130.

<sup>173</sup> Там же. – С. 149.

<sup>174</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – С. 150.



(Венеции, Милана, Флоренции) не имела промышленного производства, зато сумела восполнить этот пробел посредством выработки новых форм торговых отношений – комменды и публичного банка<sup>175</sup>. Историк выделял третий тип итальянских городов, образцом которых являлся Милан. «Это прежде всего крупный промышленный центр с системой пассивного вывоза»<sup>176</sup>. Здесь не было активной торговой деятельности, но большие обороты суконной промышленности, как считал исследователь, заставляли Милан включиться в итальянский товарообмен. Четвертый тип итальянских городов А. К. Дживелегов находил во Флоренции и связывал его с развитием промышленности и кредитного дела. Кредитное дело, по мнению исследователя, как возвысило Флоренцию, так и явилось главной причиной ее кризиса и гибели.

В развитии морской торговли принимали участие и другие торговые центры Южной Франции, Англии, но они, по мнению отечественных историков, не могли составить конкуренцию Венеции или Великой Немецкой Ганзе. Среди них А. К. Дживелегов выделял Марсель со специально созданным для торговых нужд флотом, Нарбонну с малочисленными галерами, Монпелье, Бордо, Нант, Руан, имевшие выход в море. В то время как итальянские города переживали расцвет, во Франции шел процесс формирования национального купечества, богатого, опытного, хорошо знавшего состояние международного рынка и международный денежный курс<sup>177</sup>.

Особого внимания в дореволюционной историографии заслуживала проблема соперничества Венеции и Генуи в черноморских колониях. Эту проблему отечественные исследователи рассматривали через политический аспект. В отечественной историографии XIX в. эта тема только начала открываться. Ученые стали обращаться к реконструкции основных исторических событий этого периода, шаг за шагом выясняя название, месторасположение итальянских колоний, мельчайшие обстоятельства разгорающихся конфликтов.

Ярким примером могут служить работы профессора Новороссийского университета Филиппа Бруна (1804–1880), в которых автор исследовал возникновение итальянских колониальных поселений в Крыму. Исторические источники позволили историку сделать вывод о том, что венецианцы освоили побережье Крыма еще в период существования Киевского государства, и вверх по Днепру доплывали до границ славянских племен. Интенсивные торговые связи между Венецией и русскими землями, по мнению Ф. К. Бруна, не прекратились даже после завоевания Киева татарами в 1240 г.<sup>178</sup> Преобладание венецианцев на Черном море исследователь связывал с основанием Латинской империи, а утверждение здесь генуэзцев с 1261 г., с момента заключения договора в Нимфее<sup>179</sup>.

Член Одесского общества истории и древностей Михаил Волков рассматривал политическую сторону итальянского конфликта. Он подробнейшим образом разобрал каждый момент военных столкновений между Генуей и Венецией. Истоками противостояния автор называл стремление к обогащению итальянского купечества посредством торговли. Как отмечал историк, «торговля занимала тогда первое место в общественной жизни»<sup>180</sup>. Венеция и Генуя, вытеснив из Средиземноморья Флоренцию, стали вскоре главными соперниками, а главным предметом их спора, как считал Волков, была черноморская торговля, приносящая наибольший доход итальянцам.

---

<sup>175</sup> Там же. – С. 156.

<sup>176</sup> Там же. – С. 157–158.

<sup>177</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – С. 177.

<sup>178</sup> Брун, Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки / Ф. К. Брун. – М., 1872. – С. 7.

<sup>179</sup> Там же. – С. 3.

<sup>180</sup> Волков, М. О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в. / М. Волков // Зап. Одесс. об-ва ист. и древностей. – Одесса, 1858. – Т. IV. – С. 152.

Ф. К. Брун третьим соперником в бассейне Черного моря называл не Флоренцию, а Пизу, чьи колонии появились даже раньше генуэзских<sup>181</sup>. М. Волков раскрыл политическую историю присутствия морских республик в бассейне Черного моря. Как считал исследователь, первой здесь появилась Венеция в ходе организации крестовых походов и завоевания Византийской империи. Затем Генуя сумела на несколько десятилетий подчинить себе черноморскую торговлю. Генуэзская Кафа и венецианская Тана – главные итальянские колонии на черноморском побережье – являлись непримиримыми врагами на протяжении более чем столетия.

В дореволюционной отечественной историографии дискуссионным являлся вопрос об основании Кафы. Михаил Волков затруднялся назвать точную дату, относя это событие к моменту падения Латинской империи и вступления на престол Михаила Палеолога, но не позднее 1289 г.<sup>182</sup> Филипп Брун, как и директор Ришельевского лицея в Одессе Николай Мурзакевич (1806–1883), шел вслед за немецкой историографией и говорил о появлении первых поселений в Кафе в 1266 г.<sup>183</sup> Профессор Ришельевского лицея Владимир Юргевич (1818–1898) сделал сенсационное предположение о появлении генуэзской Кафы уже в 1204 г., после вторжения генуэзских рыцарей вслед за завоеванием Константинополя латинами<sup>184</sup>. По мнению Юргевича, в основе упадка Кафы лежали и политические, и экономические причины, уже отмеченные другими исследователями. Именно против них, как равнозначных, был выработан Устав 1449 г., который, с одной стороны, оговаривал меры предосторожности относительно татар, турок и христиан другой конфессии, а с другой – вводил систему фискальства для искоренения внутренних злоупотреблений, подорвавших торговый кредит<sup>185</sup>.

Дальше всех в исследовании юридического статуса генуэзских колоний, в том числе Кафы, пошел член Императорской Санкт-Петербургской академии наук Максим Ковалевский (1851–1916). Он попытался представить Устав для колоний 1449 г. как своеобразный документ, с одной стороны, содержащий в себе традиционные представления о колониальном устройстве, сложившиеся на протяжении почти двух столетий, с другой стороны, – отражавший реалии быстро изменявшейся колониальной политики середины XV в. Он, как и большинство отечественных исследователей, отмечал, что правовые отношения генуэзских колоний целиком копировали внутреннее государственное устройство Генуи с соблюдением принципов управления крупной морской державы средневековья: краткосрочность полномочий, избираемость должностных лиц, коллегиальность, строгая отчетность в действиях и имущественная ответственность<sup>186</sup>. «Первоначальная организация Кафы была, по крайней мере, в ее главных чертах, снимком с генуэзских порядков»<sup>187</sup>. Однако, при многонациональности (как отмечал Ковалевский, здесь жили евреи, русские, греки, мусульмане, грузины, мингрелы, черкесы, трапезундцы, валахи, франки, венецианцы) генуэзских колоний преимущества, конечно же, отдавались генуэзцам и в юридическом, и в экономических вопросах.

<sup>181</sup> Брун, Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки / Ф. К. Брун. – М., 1872. – С. 12.

<sup>182</sup> Волков, М. О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в. – С. 154.

<sup>183</sup> Брун, Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии. – С. 12.

<sup>184</sup> Юргевич, В. Генуэзские надписи в Крыму / В.[Н.] Юргевич // Зап. Одес. общ-ва ист. и древностей. – Одесса, 1863. – Т. V. – С. 176.

<sup>185</sup> Юргевич, В. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / пуб., пер. с лат., коммент. В. [Н.] Юргевича // Зап. Одес/ общ-ва ист/ и древностей. – Одесса, 1863. – Т. V. – С. 650.

<sup>186</sup> Ковалевский, М. М. Юридический быт Генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в. / М. М. Ковалевский // Сборник статей по истории права, посвящ. Н. Ф. Владимирскому-Буданову. – М., 1903. – С. 200.

<sup>187</sup> Там же. – С. 204.

М. М. Ковалевский рисовал более сложную схему внутреннего устройства Кафы, чем мы встречаем у названных авторов. Наряду с консулом и двумя его помощниками, он отмечал наличие совета старейшин при консуле, совета казначейства при массарии, совета попечителей, совета торговли, продовольственного комитета, консульской свиты, ночных стражей, милиционеров. Высшая администрация в лице консула, как утверждал Ковалевский, получала непосредственно от Генуи жалованье, и должна была содержать все необходимые для осуществления своих обязанностей должности, а система советов существовала за счет дополнительных сборов и штрафов. В таком виде устройство Кафы просуществовало до момента ее передачи Банку Святого Георгия, который решил значительно преобразовать систему для того, чтобы исключить злоупотребления, укрепить финансовые позиции купечества и выстроить более сильную оборону от надвигавшейся угрозы со стороны турок и татар. В частности, был разрешен чекан монеты, что ранее являлось прерогативой генуэзского правительства, поощрялись доносы, запрещалось консулу вести дипломатические переговоры с иностранными государствами из-за опасения отпадения Кафы от Генуи. К числу важных наблюдений, сделанных Ковалевским, следует отнести вывод о том, что корни современной административной юстиции лежат не в более поздней английской или французской практике, а в системе итальянских городских республик и их отдаленных колоний на Востоке<sup>188</sup>. Интересны его предварительные заметки об общественных нравах и обычаях, обыденной жизни кафских жителей. Историк отмечал суровость, грубость нравов, выяснял особенности отдыха и развлечений, анализировал регламентацию торговой деятельности купцов. Помимо общих правил, характерных для всей генуэзской торговли (ответственность владельцев кораблей за перегруз, открытость торговли, четко определенные часы сделок и жестко установленные меры весов, исключительное право генуэзцев на розничную торговлю), М. М. Ковалевский выделял специально разработанные для Кафы торговые статьи: запрет всякого торгового кредита с татарами (из-за боязни столкновений, военных конфликтов), запрет выезда из города мастеров, обслуживавших морскую торговлю, льготы на продовольственные товары, обеспечивавших жизнь города.

Вообще Кафе посвящено достаточно большое количество исследований. Все дореволюционные историки единодушны в том, что Кафа имела особый статус среди итальянских колоний. «Граждане Кафы, – как писал Н. Н. Мурзакевич, – имели собственные: законы, тариф, монету, герб и свое начальство»<sup>189</sup>. Основание Кафы позволило генуэзцам первыми появиться в Каспийском море и начать выгодный торг с местными народами<sup>190</sup>. Правосудие генуэзской Кафы высоко ценилось не только приезжими купцами, но и местным населением, не раз прибегавшим к их помощи. «Порядок в управлении, правосудие и бескорыстие консулов, беспристрастное ограждение прав каждого и примерная честность поселенцев, были причиной, что Кафа в короткое время могла сравниться в блеске с другими могущественными европейскими городами»<sup>191</sup>. Экономическая жизнь Кафы заключалась в том, что она существовала за счет высоких налогов, принося еще при этом огромный доход генуэзскому купечеству. Однако, расцвет Кафы не был очень долгим. В связи с появлением татар и осложнением отношений с ними генуэзское правительство, как отмечали Н. Н. Мурзакевич и М. Волков, в мае 1453 г. передало все полномочия на управление Кафой Банку Св. Георгия, надеясь малыми средствами сохранить свое влияние в этой области. Передача эта, по мнению М. Волкова, заключалась в нескольких условиях: в праве владения всеми территориями и имуществом, праве сбора пошлин и налогов, праве судопроизводства над местным

---

<sup>188</sup> Ковалевский, М. М. Юридический быт Генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в. – С. 217.

<sup>189</sup> Мурзакевич, Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму / Н. Н. Мурзакевич. – Одесса, 1837. – С. 11.

<sup>190</sup> Там же. – С. 18–19.

<sup>191</sup> Мурзакевич, Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму. – С. 39–40.

населением. Но упадок Кафы ознаменовал собой упадок восточного направления генуэзской торговли, удержать или восстановить который не смогли даже капиталовложения владельцев Банка. Как отмечал Н. Н. Мурзакевич, «славное имя Лигурийских поселений в Крыму» окончательно исчезло после установления могущества Османской порты и грабежа турков<sup>192</sup>.

Последний период существования генуэзской Кафы подробно рассматривался в статье заведующего Феодосийским музеем древностей Людвика Колли (1849–1917) «Кафа в период владения ею Банком Святого Георгия (1454 – 1475)». Автор анализировал внутреннее устройство Кафы второй половины XV в. в сравнительной перспективе с ее более ранними формами. Колли, как и другие историки, утверждал, что данное поселение складывалось постепенно: сначала в законных пределах, отведенных им татарами, а потом с захватом уже татарских территорий и образованием слобод. Высшую администрацию Колли, в отличие от Мурзакевича, не идеализировал, больше всего нареканий у него вызывало как раз судопроизводство. В обозначенное двадцатилетие, несмотря на сохранившиеся обширные полномочия консулов и кафской администрации, их статус значительно упал. Если раньше консул Кафы был вторым человеком в Генуэзской республике (после дожа), то сейчас он назначался по постановлению главного совета банка одновременно с массарием и провизором, которые должны были меняться своими должностями каждый год в течение трех лет<sup>193</sup>. Консул, по-прежнему, отчитывался по истечении своего срока, но это, однако, как считал Колли, не мешало ему злоупотреблять своим положением. Исследователь отмечал учащение подобных случаев, например, в 1463 г., когда консул незаконно ввел дополнительные сборы и налоги якобы для ремонта городских укреплений; в 1464 г., когда выяснилась значительная недостача в казне. Да и само судопроизводство, как отмечал автор, отличалось взяточничеством, волокитой и защитой интересов богатых купцов. Таким образом, Л. П. Колли главную причину упадка генуэзской торговли видел не во внешнеполитических факторах, связанных с появлением турок, а в сугубо экономических, когда злоупотребления местной администрации привели к резкому падению торговли<sup>194</sup>.

Член Одесского общества истории и древностей Михаил Волков, наоборот, усматривал в кафской администрации, назначавшейся Банком, воплощение мудрости, решительности и честности<sup>195</sup>. А вмешательство внешнего фактора в лице турок не позволило генуэзцам осуществлять морскую торговлю, вследствие чего Банк нес огромные убытки, вкладывая сюда большие средства, а взамен не получал ничего. И даже, несмотря на благосклонность хана Менгли-Гирея (которого Н. Н. Мурзакевич, напротив, считал виновником истребления последних купеческих семей в Кафе<sup>196</sup>), конец торговли был предрешен<sup>197</sup>.

М. Волков также акцентировал внимание на политическом факторе и на основе актового материала показал, как разворачивались события в XV в., как умело использовали политическую ситуацию Византийской империи итальянские морские республики в своих целях, каким образом увеличивали круг своих союзников и к каким государственным махинациям прибегали, чтобы добиться уничтожения своего соперника. О том, что византийское наследство было яблоком раздора для венецианцев и генуэзцев, упоминали и другие исследова-

<sup>192</sup> Там же. – Одесса, 1837. – С. 90–91.

<sup>193</sup> Колли, Л. П. Кафа в период владения ею Банком святого Георгия (1454–1475) / Л. П. Колли // Изв. Таврич. уч. архивной комиссии. – Симферополь, 1912. – № 47. – С. 90.

<sup>194</sup> Колли, Л. П. Кафа в период владения ею Банком святого Георгия. – С. 106–107.

<sup>195</sup> Волков, М. Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456) / М. Волков // Зап. Одес. общ-ва ист. и древностей. – Одесса, 1867. – Т. VI. – С. 113.

<sup>196</sup> Мурзакевич, Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму. – С. 89–90.

<sup>197</sup> Волков, М. Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456) / М. Волков // Зап. Одес. общ-ва ист. и древностей. – Одесса, 1867. – Т. VI. – С. 143–144.

тели (Ф. К. Брун, Н. Н. Мурзакевич, М. М. Ковалевский и др.). Однако, в основе конфликта отечественные историки выделяли и некоторые особенные причины. Например, Ф. К. Брун считал непосредственным толчком к венецианско-генуэзской войне «перевес генуэзцев на Черном море» и стремление последней брать пошлины с любых судов, проходивших мимо Кафы<sup>198</sup>.

Итак, М. Волков рассматривал политическую сторону средневековой морской торговли итальянских республик, не вдаваясь в подробности ее экономического развития, однако, считал, что всю политику этого периода пронизывал купеческий дух и купеческий взгляд итальянских общин, каждая из которых стремилась добиться собственного преобладания на этом направлении торговли. Конец же этому соперничеству положила третья сила, пришедшая неожиданно со стороны в лице легендарного Тамерлана<sup>199</sup> и вытеснившая в середине XV в. всех итальянцев с черноморского побережья. О наличии третьей силы в соперничестве двух морских держав упоминали многие исследователи. Как правило, и Ф. К. Брун, и М. Волков, и Н. Н. Мурзакевич связывали эту силу с монголо-татарскими ханами, установившими вассалитет над территориями Латинской империи. Именно татары до появления Тамерлана часто вмешивались в междоусобную борьбу итальянских республик, способствуя тем самым их временному единению, как в случае разграбления Таны, или, наоборот, обострению соперничества при захвате Кафы. Именно в последнем случае, как считал Ф. К. Брун, венецианцы надеялись привлечь татар в качестве союзников в войне против Генуи, что, впрочем, было безуспешно. Так же, как и генуэзцы, венецианцы использовали эту третью силу при решении вопроса о византийском наследстве, склоняя татар к поддержке династии Палеологов. Об источниках конфликтов между татарами и генуэзцами большинство исследователей не писало. Н. Н. Мурзакевич попытался разобраться в этом вопросе и тут же возложил всю вину за военные инциденты на генуэзцев, усматривая в их действиях надменность, высокомерность, презрение<sup>200</sup>. Именно оскорбление татарина генуэзцем, как отмечало большинство историков, стало поводом для военного конфликта, разорения Кафы и уничтожения большинства итальянских купцов, в том числе и венецианцев.

Н. Н. Мурзакевич затрагивал и экономическую сторону венецианско-генуэзского соперничества. В соперничестве Таны и Кафы он усматривал больше не политических, а экономических мотивов. Само возникновение Кафы он представлял как необходимый шаг для торгового равновесия венецианцев и генуэзцев в бассейне Черного моря. Кафскую торговлю он анализировал на фоне итальянской морской торговли в целом, связывая с ней лишь одно направление торгового обмена – черноморское. «Чем Генуя была для западной торговли, тем Кафа для восточной»<sup>201</sup>. Сюда стекались все восточные товары (пряности, предметы роскоши и т. д.) и съезжались все купцы, желавшие торговать с Востоком. Мурзакевич полагал, что экономические выгоды вели за собой политическую власть, в частности, генуэзской Кафы.

На взаимосвязь экономических и политических факторов в развитии средневековой морской торговли указывал и профессор Казанского университета Иван Смирнов (1856–1904)<sup>202</sup>. Так, венецианцы смогли достичь своих политических целей благодаря торговым отношениям с Далмацией. Кроме того, И. Н. Смирнов отмечал обоюдное влияние колоний

<sup>198</sup> Брун, Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии. – С. 12.

<sup>199</sup> Волков, М. Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456) / М. Волков // Зап. Одес. общ-ва ист. и древностей. – Одесса, 1867. – Т. VI. – С. 182.

<sup>200</sup> Мурзакевич, Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму. – С. 8, 27.

<sup>201</sup> Мурзакевич, Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму. – С. 35.

<sup>202</sup> Смирнов, И. Н. Отношение Венеции к городским общинам Далмации с XII до половины XIV в. / И. Н. Смирнов. – Казань, 1881.

и метрополий, что нашло поддержку у его рецензента Николая Осокина<sup>203</sup>. Как утверждали исследователи, с одной стороны, Венеция получала свои выгоды от торговых сделок с Далмацией, с другой – местные общины не раз прибегали к правосудию Венеции для предотвращения кровопролитных столкновений, и последняя всегда брала сторону этих общин.

Последним важным вопросом, который затрагивали исследователи южного направления морской торговли, был вопрос работорговли. Необходимо отметить, что данная проблема не имела своей давней традиции в западноевропейской историографии, вследствие отрицания факта существования рабов в христианском мире. В итальянской и германской литературе эта проблема впервые заявила о себе лишь к середине XIX в. В отечественной историографии одновременно с западной во второй половине XIX в. появились исследования, посвященные работорговле итальянских республик<sup>204</sup>.

Как писал член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук Иван Лучицкий (1845–1918), «торговля человеческим телом была вполне правильно организована, поставлена под особое покровительство законов, оформлена ими, составляла предмет постоянных сделок» между продавцом и покупателем и являлась «немаловажным фактором в жизни европейского общества»<sup>205</sup>. Этот историк в своей работе останавливался на двух главных вопросах: общей характеристике работорговли и причинах ее развития. В общей характеристике он обращался к определению основных центров и путей работорговли и ценовой политики на этот товар. Крупнейшими центрами работорговли, как считал Лучицкий, были Венеция и Генуя, причем первая включилась в этот процесс еще в X в. Со второй половины XIII в. наступил расцвет итальянской работорговли, продлившийся вплоть до XV в. Историк рассматривал эволюцию торговли рабами и выделял два этапа: до XIV в. в связи с земледельческими нуждами большим спросом пользовались мужчины, а в XIV–XV вв. расширение домашнего хозяйства увеличило потребность в прислуге, где теперь главным товаром стали женщины, среди которых высокие цены устанавливались на русских, а низкие – на татар. Как отмечал Лучицкий, изменилась и национальная структура рабов: «христианский, европейский элемент совершенно исчезает, рабами являются исключительно одни чужеземцы... с конца XIV в., русские и славяне»<sup>206</sup>. Историк обратил внимание, что расцвету этого, казалось бы, несовместимого для христианского мира явления способствовало оригинальное итальянское мировоззрение, основанное на теории первобытной свободы, которая исключала из круга верующих всех, не исповедовавших католическую веру, и воспринимало состояние рабства как Божье наказание. Раб в представлении итальянцев не только исключался из круга верующих, но и лишался статуса человека, он приравнивался к движимости, товару, о чем свидетельствовали статуты морского права Флоренции, Генуи, Венеции и др.<sup>207</sup>

Венецианское законодательство на протяжении нескольких столетий закрепляло бесправное положение рабов. И. В. Лучицкий обратился к анализу причин, приведших к расцвету рабства и росту работорговли и опроверг мнение западноевропейских исследователей о том, что в ее основе лежало «сильное развитие торговли с Левантом». Как отмечал историк, «рабство было, прежде всего, институтом экономическим»<sup>208</sup>, а рост работорговли объяснялся потребностями домашнего хозяйства в рабочих руках, в прислуге. Была и другая

---

<sup>203</sup> Осокин, Н. Рец. на кн.: И. Н. Смирнов Отношение Венеции к городским общинам Далмации с XII до половины XIV века. Казань, 1881 // Журнал Мин-ва нар. просвещ. – М., 1885. – Ч. CCXL. – № 3. – С. 123–134.

<sup>204</sup> Лучицкий, И. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. / И.[В.] Лучицкий. – Киев, 1886.

<sup>205</sup> Там же. – С. 4.

<sup>206</sup> Лучицкий, И. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. – С. 15.

<sup>207</sup> Там же. – С. 18.

<sup>208</sup> Лучицкий, И. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. – С. 27.

причина явления – нравственно-общественная, заключавшаяся в разложении христианской морали и устоев семьи<sup>209</sup>.

В дореволюционной отечественной историографии последней трети XIX – начала XX вв. тема средневековой мировой торговли получила разностороннее освещение. В основном исследователей интересовал политический аспект этой темы.

Уже в это время можно четко выделить два направления исследования вопросов морской торговли: южное и северное. Интерес к этим направлениям во многом исходил из специфики отечественной истории. И те, и другие авторы пытались найти общие точки пересечения западноевропейской и русской истории. В рамках северного направления ученых интересовала Великая Немецкая Ганза и организация купеческих союзов в бассейне Балтийского моря. Ганзу историки считали важной вехой в экономическом и политическом развитии средневековой Европы, закат которой пришелся на эпоху Великих географических открытий. Исследователи северного направления (Ф. Я. Фортинский, А. К. Дживелегов и др.) отмечали экономическую обусловленность западноевропейской политики в бассейне Балтийского и Северного морей, где торговля являлась основой общественной системы Западной Европы. В рамки этого направления отечественные исследователи пытались вписать и отечественную историю, отводя ей значительное место в развитии западноевропейской торговли, что подтверждают выводы по новгородской истории. Исследователи южного направления морской торговли находили меньше точек соприкосновения истории итальянских морских республик и России, но и они выходили на болезненную тему византийского наследства и татаро-монгольского нашествия, где Россия сыграла решающую роль. В развитии политической системы итальянских морских республик исследователи видели высокий уровень общественного устройства, который, по их мнению, обладал сугубо средневековым характером и не смог выстоять против внешнеполитического фактора – нашествия турок.

---

<sup>209</sup> Там же. – С. 38.

## **Глава 2. Советская медиевистика о торговой колонизации XIII–XV века**

### **2.1. Методологические особенности развития советской историографии**

Построение второй главы напрямую связано с особенностями советской историографии, отмеченными еще основателем кафедры истории Средних веков Ленинградского университета Осипом Вайнштейном (1894–1980). Интерес к истории морской торговли проявился в работах советских ученых с разных сторон и был обусловлен «духом эпохи», определенным идеологическим, социальным заказом.

О. Л. Вайнштейн выделял три периода, «главных этапа» развития советской медиевистики 1917 – 1966 гг. Сегодня такая периодизация может вызывать скепсис, она чересчур отягощена идеологическими штампами, пронизана пафосом охранительства чистоты марксистской методологии. Первый этап (1917 – начало 1930-х гг.) Вайнштейн характеризовал как период борьбы (первоначально скрытой, полемической, литературной, а с середины 1920-х гг. и открытой, физической, направленной на уничтожение представителей дореволюционной профессуры), борьбы между старыми дореволюционными представлениями о прошлом и новыми, строившимися на так называемой «марксистско-ленинской» методологии. В этот период среди печатных изданий встречались интересные труды старых профессоров и первые опыты молодых советских историков. Этот, казалось бы, мирный этап сосуществования разных методологических направлений, конкретно-исторических исследований, своеобразной «интеллектуальной демократии» закончился полным разгромом старой профессуры. Склонность к теоретизированию, построению новых концепций определила отход от конкретно-исторической проблематики, особенно в области истории Средних веков, эпоха капитализма стала объектом повышенного внимания молодой советской науки. Естественно, что в это время проблемы развития морской торговли в Средние века не могли вызвать особый интерес, но косвенное обращение к этой теме все-таки наблюдалось. Это было связано с другой особенностью раннего периода советской исторической науки, которую впоследствии подвергли резкой критике, – увлеченность экономическим фактором исторического процесса. По выражению О. Л. Вайнштейна молодые советские историки, стремясь приблизиться к марксистскому пониманию исторического процесса, сползли на позиции «географического экономизма»<sup>210</sup>, что выражалось в усиленном внимании к истории торговых путей и связей.

Самой популярной категорией, рассматриваемой в этот период, являлась категория «торгового капитала». Ей посвящено большинство работ как молодых, так и уже зрелых исследователей. В специальном труде «Обществоведение», призванном заменить собой исторические дисциплины, этой категории посвящен целый том. Общее понятие о капитале и основных признаках современного капитализма дается по Александру Богданову (1873–1928), главному идеологу Пролеткульта, экономисту, философу и медику, основавшему Институт переливания крови, и Вернеру Зомбарту (1863–1941), профессору Берлинского университета. Капитал в их понимании связывался в узком смысле слова с ростовщическим капиталом, но в более широком значении под капиталом подразумевались средства производства, а вместе с ними и деньги, являвшиеся частной собственностью и приращав-

---

<sup>210</sup> Вайнштейн, О. Л. История советской медиевистики 1917 – 1966 гг. / О. Л. Вайнштейн. – Л., 1968. – С. 62.



шиеся с помощью эксплуатации<sup>211</sup>. В данном значении капитал носил негативный оттенок, а соответственно ростовщичество и торговля имели в своей основе отрицательные качества. Отсюда – и восприятие купца как безжалостного эксплуататора мелких ремесленников и товаропроизводителей, отнимавшего у них всю прибавочную стоимость товара посредством размещения низкооплачиваемых заказов. Причем на ранних стадиях развития торгового капитала авторы подчеркивали его положительное влияние на мелкого производителя, стимулировавшее его деятельность. «Но по мере того, как производитель впадает в материальную зависимость от скупщика, дело изменяется. Иго торгового капитализма начинает угнетать производителя все более возрастающей, зачастую непосильной тягостью. Благополучие хозяйства постепенно падает»<sup>212</sup>. Особую роль в процессе первоначального накопления капитала авторы отводили не только торговле и ростовщичеству, но и морским открытиям XV и XVI вв. Великие географические открытия, по их мнению, совершили денежную революцию и переместили старые торговые пути из Средиземноморья в океан, что предопределило и перемещение политического центра Европы с юга на запад.

---

<sup>211</sup> Обществоведение. – Т. III: Жизнь общества в эпоху торгового капитализма. – Пг., 1924. – С. 16–17.

<sup>212</sup> Там же. – С. 30

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.